Р. М. МАВРОДИНА

Киевская Русь и кочевники

печенеги
•
торки
•
половцы

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Р. М. МАВРОДИНА

КИЕВСКАЯ РУСЬ И КОЧЕВНИКИ

(ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ, ПОЛОВЦЫ)

Историографический очерк

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1983

В настоящем издании исследуется движение исторической мысли в дореволюционной науке и в советской историографии по проблеме «Киевская Русь и кочевники». Проанализированы все труды, в которых поднималась эта проблема. Дана обстоятельная критика работ дворянских и буржуазных авторов, показаны успехи в изучении истории кочевников и их взаимоотношений с Древнерусским государством, достигнутые историками-марксистами.

Книга представляет интерес для специалистов-историков, этнографов, археологов, а также для студентов исторических факультетов.

Ответственный редактор

В. М. ПАНЕЯХ

Рецензенты:

А. Л. ШАПИРО, М. Б. СВЕРДЛОВ

М $\frac{0505020000\text{-}612}{042\,(02)\text{-}83}$ 40-83-*II*

© Издательство «Наука», 1983 г.

Проблема взаимоотношений Киевской Руси с кочевым миром восточноевропейских степей давно привлекает к себе внимание. Ее изучение, начатое едва ли не два столетия тому назад, никогда не прерывалось. И в последние годы вышел в свет ряд серьезных исследований, среди которых прежде всего необходимо назвать работы С. А. Плетневой.[1] Интерес к этой стороне исторического прошлого неслучаен: политические, экономические, культурные и иные контакты между Русью и кочевниками не только играли большую роль в повседневной жизни государств, государственных образований, племенных союзов, народностей, но и оказали существенное влияние на их исторические судьбы.

Постоянные дискуссии, сопровождавшие изучение взаимоотношений Древней Руси с кочевыми народами, придают особую актуальность историографическому осмыслению проблемы. Однако, за малыми частными исключениями, с такой стороны она специально не рассматривалась. Р. М. Мавродина и предприняла попытку заполнить наметившийся пробел. Первоначально ею были опубликованы серия статей, посвященных различным сторонам этой темы, и раздел в коллективном труде «Советская историография Киевской Руси».[2] Затем Р. М. Мав-

[1] См., например: *Плетнева С. А.* 1) Половецкая земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. : Сб. статей. М., 1975, с. 260—300; 2) Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья. — ВИ, 1981, № 6, с. 50—63; 3) Печенеги, торки, половцы. — В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 213—222; 4) Кочевники средневековья. Поиски ист. закономерностей. М., 1982.

[2] Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.

родина приступила к написанию монографии «Взаимоотношения Киевской Руси с кочевниками (печенегами, торками, половцами) в русской дореволюционной и советской историографии».

Ранняя смерть Русланы Михайловны Мавродиной (1945—1980 гг.), делавшей лишь первые, но многообещающие шаги в науке, не дала возможности довести работу до полного завершения. Однако актуальность темы, отсутствие подобных обобщающих историографических обзоров позволили поставить вопрос об издании ее труда (под уточненным названием).

Он сохранился в нескольких вариантах — в виде рукописного черновика, правленной рукой автора машинописной копии и, наконец, окончательного машинописного текста, хотя и не сверенного после перепечатки. В последнем оказались лакуны, часть которых Р. М. Мавродина, по некоторым признакам, предполагала заполнить за счет использования рукописного черновика, промежуточной машинописной копии и опубликованных ранее собственных работ.

Готовя исследование Р. М. Мавродиной к печати (совместно с Ю. Н. Беспятых), я и исходил из выявившейся последней воли автора, положив в основу издания беловой машинописный экземпляр, дополняемый в необходимых случаях из указанных источников. Произведены также незначительные сокращения материала.

Оценивая проделанную Р. М. Мавродиной работу, необходимо отметить, что в ней обнаруживаются и такие лакуны, заполнить которые без автора не представляется возможным. В частности, ни в один из вариантов исследования не были включены материалы, касающиеся прошедших в нашей научной печати дискуссий о кочевом феодализме, не даются там оценки некоторых трудов, имеющих косвенное отношение к теме.

А между тем, судя по подготовительным записям, Р. М. Мавродина первоначально имела в виду в той или иной степени затронуть теоретические проблемы, подвергнутые обсуждению в этих работах. Можно высказать предположение, что впоследствии она не осуществила своего замысла из-за несоответствия части заинтересовавших ее исследований хронологическим рамкам историографического обзора (по 60-е годы XX в.). В других немногих случаях она просто не успела довести начатое до конца. Однако необходимо отметить, что оказавшиеся

незатронутыми Р. М. Мавродиной сюжеты располагаются как бы на периферии основной проблемы, которой занимался автор, и не касаются непосредственно историографической оценки трудов, посвященных изучению взаимоотношений Киевской Руси с печенегами, торками и половцами.

В процессе подготовки книги к печати и ее редактирования ряд ценных советов дали М. Б. Свердлов, А. Н. Цамутали и А. Л. Шапиро.

В. М. Панеях

Образование и развитие Древнерусского государства, формирование и складывание древнерусской народности являются актуальными проблемами исторической науки. Заслуживает внимания и исследование условий, сопутствовавших этим процессам. Среди них немалое значение имеет комплекс вопросов, связанных с взаимоотношениями Киевской Руси и кочевников. Важные сами по себе, эти вопросы в то же время являются частью сложной проблемы взаимоотношений оседлых земледельческих и кочевых скотоводческих народов.

Кочевничество как особая форма хозяйства и связанного с ней образа жизни, основанное на экстенсивном скотоводстве, появляется в глубокой древности. Археологический материал и письменные источники дают достаточно убедительные основания относить зарождение кочевого скотоводства на территории Евразии к рубежу II и I тыс. до н. э., а процесс его сложения в развитую систему, проходивший неравномерно в различных районах, — к рубежу двух эр.

Основоположники марксизма придавали большое значение изучению процесса выделения из массы земледельцев-скотоводов скотоводческих, пастушеских племен, который Ф. Энгельс называл первым крупным общественным разделением труда.[1] В связи с углубленным анализом самого кочевого общества они уделяли много внимания и взаимоотношениям между кочевыми и оседлыми народами. Эти взаимоотношения, особенно в ранние периоды существования кочевничества, основывались

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 160.

прежде всего на специфических особенностях скотоводческого хозяйства, которые обусловливали ведущую роль в нем товарного обмена.[2]

Наблюдения над периодически повторявшимися нашествиями кочевников на соседние оседлые народы привели К. Маркса к выводу, что своеобразная ритмичность, с которой степи выбрасывали одну за другой волны кочевников на обширные пространства, заселенные народами, создавшими на основе земледелия, оседлого скотоводства и ремесла очаги цивилизации и могущественные государства, является следствием низкого уровня развития производительных сил кочевников. Им необходимы были огромные территории для сохранения привычного образа жизни и традиционных форм хозяйства. К. Маркс писал, что они действовали «сообразно с их способом производства», поскольку для скотоводства «большие необитаемые пространства являются главным условием»,[3] и отмечал, что «давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира».[4] Способ производства племен, занимавшихся скотоводством, охотой и войной, «требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени... Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы».[5] Ритмичность вторжений и переселений кочевников нельзя не связывать и с природными факторами. В результате исследований специалистов в области палеоботаники и климатологии установлено, что в прикаспийско-причерноморских степях Восточной Европы, являющихся продолжением степей континентальной Азии, всякое потепление климата вызывало наступление засушливого периода, и наоборот, похолодание вызывало увлажнение и обогащение растительности. Это приводило к росту поголовья скота, а вместе с ним и к повышению уровня

---

[2] Там же, т. 23, с. 99.
[3] Там же, т. 12, с. 724.
[4] Там же, т. 8, с. 568.
[5] Там же.

жизни, увеличению численности населения, чем обусловливалось сокращение площади свободных пастбищ.[6]

Говоря о народах, находившихся на высшей стадии варварства, у порога цивилизации, т. е. классового общества, Ф. Энгельс отмечал: «Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом».[7] Если агрессивность с целью захвата добычи — скота, ценностей, пленных — свойственна эпохе варварства вообще, то в еще большей степени эта агрессивность характеризует кочевников-степняков. Подвижность кочевников, все войско которых состояло из конных воинов (а воином был каждый мужчина), сильная племенная и межплеменная организация, хорошее вооружение, быстрота, с которой передвигались по степям кибитки кочевников с их семьями, их скот и косяки лошадей, — все это делало степняков опасным противником.

Выводы основоположников марксизма об огромной роли обмена и торговли в кочевых обществах получили дальнейшее развитие в трудах советских историков. Они рассматривают торговлю в качестве одной из главных движущих сил в процессе взаимодействия оседлых и кочевых культур.[8] Принимаются во внимание и другие как внешние, так и внутренние факторы, оказывавшие влияние на характер этого взаимодействия; в частности, что возникновение кочевничества было связано с ростом производительных сил. Однако со временем более ускоренное развитие земледелия и ремесел привело к тому, что кочевое скотоводство приобрело характер отсталого произ-

---

[6] *Шевеленко А. Я.* Природный фактор и европейское общество V—X веков. — ВИ, 1969, № 10, с. 88—92; *Златкин И. Я.* А. Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов. — ВИ, 1971, № 2, с. 96.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 164.

[8] *Златкин И. Я.* 1) А. Тойнби об историческом прошлом..., с. 99—100; 2) История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964; *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монг. кочевой феодализм. Л., 1934; Очерки истории Калмыцкой АССР. Доокт. период. М., 1967.

водства, тормозившего развитие культуры и быта кочевого населения. Именно в этих условиях кочевники устремлялись на оседлые земледельческие районы, «разрушали более высокую культуру... в целях грабежа и наживы».[9] Советские ученые при оценке путей развития кочевых обществ учитывают историческую обстановку в Европе во время вторжения в нее кочевников. Отнюдь не идеализируя общественный строй кочевников, указывая на захватнический, несправедливый характер войн, ведшихся ими, советские историки показали, что существовали не только постоянные противоречия или войны кочевых обществ с оседлыми цивилизациями, но и мирные контакты кочевников и земледельцев в хозяйственной, социальной и культурной жизни, необходимость которых обусловливалась сущностью и характером общественного разделения труда.

Важно отметить также внимание, уделяемое советскими исследователями проблеме оседания кочевых народов. Ими отмечено, что, поскольку необходимость оседания кочевников и полукочевников приобрела глобальный характер, нельзя не учитывать общезначимые черты их оседания в послеоктябрьский период.[10]

По справедливому замечанию Г. Е. Маркова, в последние годы назрела «необходимость в более углубленном обобщении накопленного материала по кочевничеству и более обстоятельном и подробном изложении теоретических взглядов в широком историко-этнографическом плане по истории хозяйства и общественной организации кочевого скотоводства».[11]

Г. Е. Марков предпринял попытку изучения указанных проблем, но избрал путь более детального ознакомления с жизнью только тех кочевых народов, которые наиболее полно охарактеризованы источниками, в основном археологическими и этнографическими: монголов, казахов, туркмен, арабов. Рецензенты исследования Г. Е. Маркова одобрили это направление, считая, что автор был несомненно прав, идя не по пути описания всех кочевых

[9] *Потапов Л. П.* Из истории кочевничества. (На матер. народов СССР). — Вестн. истории мировой культуры, 1957, № 4, с. 57, 58.

[10] *Дахшлейгер Г. Ф.* Некоторые проблемы истории кочевых обществ на XIV Международном конгрессе исторических наук. — СЭ, 1976, № 4, с. 170.

[11] *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. Структура хоз-ва и обществ. орг. М., 1976, с. 6.

народов, а сосредоточив свое внимание только на тех, по поводу которых велись наиболее острые дискуссии. По мнению рецензентов, он «не только подвел существенный итог разработке, но и значительно продвинул вперед марксистское изучение этой важной проблемы».[12] Хотя печенеги, торки и половцы остались вне поля зрения Г. Е. Маркова, тем не менее общетеоретические положения, выдвинутые им, вполне применимы к истории этих народов.

Причерноморье и южнорусские степи начиная с XV в. до н. э. в течение многих столетий были ареной столкновений оседлых и кочевых племен. Вслед за гуннами проследовали с востока на запад многочисленные кочевые орды: в VI в. — авары и болгары, в VII в. — хазары, в IX в. — угры и печенеги, в начале XI в. — торки и половцы.

Борьба славян с кочевниками нашла отражение в источниках X—XVII вв. Ее описывали очевидцы этих событий — составители русских летописей. Первые упоминания в русских источниках о «борьбе со степью» содержит «Повесть временных лет». Начиная с Н. М. Карамзина проблема взаимоотношений Киевской Руси с кочевниками заняла одно из важных мест в полемике между представителями различных историографических течений.[13]

Однако до настоящего времени попыток историографического осмысления данной проблемы почти не предпринималось. Лишь в кандидатской диссертации С. А. Плетневой была впервые предложена общая периодизация истории изучения взаимоотношений Древней Руси и кочевников.[14] Краткий историографический очерк опубликован нами.[15]

Настоящая работа является попыткой заполнить образовавшийся пробел. Цель ее — проанализировать историческую литературу, посвященную взаимоотношениям Киевской Руси и печенегов, торков, половцев в XI—XIII вв.

---

[12] *Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И.* Рец. на кн.: Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хоз-ва и обществ. орг. М., 1976. — СЭ, 1977, № 5, с. 163.

[13] См.: *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа, XII—XVII вв. М., 1973, с. 29.

[14] *Плетнева С. А.* Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв. (По археол. матер. и письм. источникам) : Автореф. канд. дис. М., 1952.

[15] Советская историография Киевской Руси. Л., 1978, с. 210—221.

Глава первая

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ С КОЧЕВНИКАМИ В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Дворянская и буржуазная историография

Начальный период русской историографии связан прежде всего с летописанием. Русские летописи характеризуются общей политической направленностью — идеей объединения князей, прекращения распрей и усобиц — и содержат призыв совместными усилиями избавить русские земли от постоянных набегов кочевников. Этими идеями проникнута прежде всего «Повесть временных лет». Объединительной тенденцией пронизан и другой замечательный памятник древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве».

Историография XVII в. не оставила заметного следа в исследовании проблемы, которой посвящена настоящая работа. Лишь в XVIII в., особенно в знаменитой «Истории Российской» В. Н. Татищева, она получает довольно подробное толкование. Прежде всего это относится к русско-половецким отношениям, для изучения которых В. Н. Татищев привлек много источников. Небольшая по объему глава, посвященная печенегам, половцам и торкам, отличается богатством фактического материала. Даже простое перечисление восточных и западноевропейских авторов, привлеченных В. Н. Татищевым, показательно — Геродот, Страбон, Плиний, Константин Багрянородный, Птолемей, Клюверий, Карпини, Рубрук и др.; причем В. Н. Татищев не просто пересказывает сведения, содержащиеся в источниках. Он пытается путем сопоставления и анализа этих сообщений ответить на многие, им же поставленные вопросы и в то же время оставляет читателю возможность самостоятельного осмысления проблем.

Так, впервые в русской историографии В. Н. Татищев попытался определить происхождение названий кочевых народов, установить их местопребывание, пути кочеваний, обрисовать общественный строй, религию, взаимоотношения между ними и другими народами.

Касаясь отношений кочевых народов к Руси, В. Н. Татищев отмечал, что «половцы и печенеги более как чрез много сот лет русским пределом набегами, пленя и грабя, великие вреды наносили... чему несогласие и междоусобие руских князей немалою причиною было. И хотя едва не во всех несчасливых битвах на них вины возлагали, что прежде времени з бою бегали, однако ж всегда в междоусобиях руские князи, их нанимая, не боясь в помочь призывали». Владимир Мономах, для того чтобы устранить половецкую опасность, «видя, что оных никакими договоры, ни дарами, ни взятыми от них залогами от нападений удержать невозможно», решил женить своих сыновей на половецких княжнах, «но весьма мало покоя и пользы исчемой чрез то приобрел».[1]

Однако в целом В. Н. Татищев в печенегах, торках и половцах видел врагов, представлявших опасность для Руси, хотя и стремился преуменьшить их успех и преувеличить их потери.[2]

Официальная историография XIX в. относила кочевые народы — печенегов, торков, половцев — к разряду «неисторических». Более того, виднейшие ее представители считали, что кочевники «никогда не будут занимать высокого места во всемирной истории».[3] Тем не менее отдельные историки признавали важное значение изучения кочевых народов для понимания истории Древнерусского государства. К их числу принадлежал А. А. Куник. Но наряду с таким признанием отдельные высказывания последнего о кочевых народах несли на себе печать пренебрежительного отношения к ним. Так, он заявлял, что,

---

[1] *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1962, т. 1, с. 271—274.

[2] См.: *Добрушкин Е. М.* О методике изучения «татищевских известий». — В кн.: Источниковедение отечественной истории: Сб. статей, 1976. М., 1977, с. 80, 88.

[3] *Куник А. А.* О торкских печенегах и половцах по мадьярским источникам с указанием на новейшие исследования о черноморско-торкских народах от Аттилы до Чингисхана. — Учен. зап. АН по первому и третьему отд-ниям, 1855, т. 3, вып. 5, с. 714.

подобно тому как «*естественные науки* подвергают наблюдениям и тщательным исследованиям и низшие, несовершенные организмы в связи с совершеннейшими, так и *историки* по разным причинам впредь должны больше обращать внимание на эти низшие породы человечества, особенно там, где дело идет об оценке истории России в сравнении с другими главными европейскими и азиатскими народами».[4]

Отдельные сюжеты, связанные с борьбой русского народа против кочевников, рассматривались представителями официальной дворянской историографии первой половины XIX в. — Н. М. Карамзиным, Н. Г. Устряловым, М. П. Погодиным — в их общих трудах (в разделах, посвященных раннему периоду истории России).

Н. М. Карамзин, используя обширный летописный материал, среди которого были впервые введенные им в научный оборот источники, привел в «Истории государства Российского» много новых данных, относящихся к истории как самих кочевников, так и их взаимоотношений с русскими князьями. В изложении Н. М. Карамзина история России предстает как смена правлений великих князей, а взаимоотношения Руси с кочевыми народами вписаны в рамки борьбы князей с кочевниками: сначала с «варварами»-печенегами, потом с торками и «неутомимыми злодеями», «свирепыми» половцами, самыми опасными для Руси врагами. «Отечество наше, избавленное от торков, с ужасом видело приближение иных варваров, дотоле неизвестных в истории мира», — писал Н. М. Карамзин о половцах, с появлением которых для Русского государства начались нескончаемые бедствия. Н. М. Карамзин исключал возможность мирных отношений с половцами, утверждая, что «мир с такими варварами мог быть только опасным перемирием».[5] Временные успехи князей, по его мнению, не могли обеспечить безопасность русских земель. Князья своими междоусобиями «усиливали внешних неприятелей», а половцы участием в княжеских междоусобицах только усугубляли положение.

Особую роль в борьбе с половцами Н. М. Карамзин отводил Владимиру Мономаху, во время княжения кото-

---

[4] Там же.

[5] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1892, т. 1, с. 159; 1892, т. 2, с. 19, 46, 47.

рого походы русских князей в степи были наиболее удачными. В отношении черных клобуков он высказал мнение, что под этим названием в наших летописях упоминаются оставшиеся на Днепре печенеги, торки и берендеи.

Хотя «История государства Российского», как известно, в целом носит описательный характер, позиция Н. М. Карамзина в отношении интересующей нас проблемы ясна: он рассматривал кочевников как силу, препятствующую развитию Российского государства.

Описательный характер присущ и работам Н. Г. Устрялова. В «Русской истории», представлявшей собой первый печатный университетский курс лекций, в котором отечественная история излагалась с позиций официальной историографии,[6] автор, следуя своему принципу — «история должна обнимать все, что имело влияние на судьбу государства, что оставило на себе следы заметные», — и основываясь на летописных свидетельствах, перечислил факты столкновений русских князей с кочевниками. В оценках влияния кочевников на судьбу Русского государства Н. Г. Устрялов был близок к Н. М. Карамзину. Так же как и последний, особое значение в успешной борьбе с половцами и окончательном их разгроме он придавал Владимиру Мономаху, приводил факты неоднократного участия половцев в качестве наемного войска в междоусобных войнах русских князей и подчеркивал, что общая опасность со стороны половцев на некоторое время примирила князей, заставила их «соединить свои силы, чтобы дружным ударом избавить Русь от лютых злодеев».[7]

Развернутая характеристика кочевников, в частности половцев, дана в работах М. П. Погодина по истории Руси IX—XIII вв. Использование большого количества летописного материала позволило ему сделать ряд важных наблюдений о происхождении кочевников, их языке, обычаях, быте и отношении к русским князьям.

М. П. Погодин считал, что в большинстве случаев в половецких набегах были виноваты сами князья, призывавшие половцев к себе на помощь в борьбе друг против друга. Вообще же походы половцев, по его мнению,

---

[6] См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955, т. 1, с. 323.

[7] *Устрялов Н. Г.* Русская история. СПб., 1837, ч. 1, с. 143—144.

это «разбойные набеги, каким обыкновенно подвергаются племена мирные от соседних диких, хищных племен», поэтому нет надобности искать какие-либо особые причины подобных нападений. М. П. Погодин видел в половцах значительную помеху торговле Руси с Византией, отмечая в то же время, что у русских князей с ними «бывали и мирные сношения». Наконец, русские князья призывали половцев к себе на помощь в случаях междоусобиц, а также для борьбы с внешними врагами.

М. П. Погодин использовал летописные известия о других тюркоязычных племенах — торках, берендеях (берендичи), печенегах, ковуях (коуи, куи), турпеях, каепичах. Вслед за Н. М. Карамзиным он высказывал предположение, что все эти племена, объединенные общим термином «черные клобуки», были родственны между собой. Значение же черных клобуков для Руси, по его мнению, выражалось в том, что данные племена подчинялись Руси, составляя ее своеобразную стражу: русские князья использовали черных клобуков как против половцев, так и во всех своих междоусобных войнах. А позднее черноклобуцкое население «сделалось как бы частью Киевского княжества и принимало деятельное участие» в его делах.[8]

По сравнению с Н. М. Карамзиным и Н. Г. Устряловым М. П. Погодин, используя летописи, привел в своих трудах значительно больше фактических сведений о кочевых народах, однако в общем понимании проблемы он, подобно названным исследователям, не смог пойти дальше простого погодного перечисления событий.

Во второй половине XIX в. вопросы взаимоотношений Руси с кочевниками стали важной частью общеисторических концепций русской государственной школы. С этого времени можно говорить о двух направлениях в развитии данной проблемы. Первое направление нашло отражение в трудах С. М. Соловьева, который, противопоставив «лес и степь», тем самым значительную роль отводил географическому фактору в историческом процессе.

Историю России С. М. Соловьев рассматривал как историю «страны, которая колонизируется». «Основное

---

[8] *Погодин М. П.* 1) Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1857. Т. 5. Период удельный, с. 150, 153, 154, 203, 204; 2) Древняя русская история до монгольского ига: В 2-х т. М., 1872.

содержание этой колонизации — борьба леса со степью», длительная борьба русского народа с кочевыми народами, вторгавшимися из Азии в южнорусские степи.[9] «Россия вследствие своего географического положения, — писал С. М. Соловьев, — должна была вести борьбу с жителями степей, с кочевыми азиатскими народами».[10] Отсюда необходимыми условиями существования народа были колонизация и укрепление границ со степью, что в итоге и определило, по мнению С. М. Соловьева, необходимость создания сильного централизованного государства.[11] «Постоянная борьба со степными варварами» в свете концепции С. М. Соловьева оказывалась одним из главных явлений в истории России. Исследователь представлял эту борьбу как соперничество Азии и Европы, как противопоставление оседлого населения кочевому, культуры и гражданственности — кочевому быту. Роль степных кочевников в истории Руси он характеризовал в целом как отрицательную, но в то же время отмечал, что борьба Русского государства со степью способствовала объединению князей для отражения совместными усилиями набегов печенегов, торков и половцев.[12]

Дальнейшее развитие эта точка зрения получила в трудах В. О. Ключевского, в частности в «Курсе русской истории»,[13] в котором наиболее полно отразились его идейно-теоретические взгляды. Так же как и у С. М. Соловьева, у В. О. Ключевского борьба с кочевниками приобретает характер «борьбы леса со степью», поскольку он в еще большей степени, чем С. М. Соловьев, придавал значение роли географического фактора в историческом процессе. Исследователь считал, что основные особенности,

---

[9] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960, кн. 2, с. 647; см. также: *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941, с. 323; Очерки истории исторической науки..., т. 1, с. 365; Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции/ Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. 2-е изд., испр. и доп. М., 1971, с. 164.

[10] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1959, кн. 1, т. 1, с. 61.

[11] *Соловьев С. М.* Древняя Россия. — Собр. соч. СПб., б. г., стб. 794; см. также: *Астахов В. И.* Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965, с. 233.

[12] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. 1, т. 1, с. 61, 395.

[13] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. — Соч.: В 8-ми т. М., 1956, т. 1, ч. 1.

определившие своеобразие исторического развития Руси, объясняются ее природными условиями. Близость к степи была одной из таких особенностей: именно благодаря этому «Русь рано пришла в непосредственное соприкосновение с южноевропейским культурным миром».[14] В то же время В. О. Ключевский рассматривал степь как постоянную угрозу для Древней Руси: «Борьба со степным кочевником, половчином, злым татарином, длившаяся с VIII почти до конца XVII в., — самое тяжелое историческое воспоминание русского народа... Тысячелетнее и враждебное соседство с хищным степным азиатом — это такое обстоятельство, которое одно может покрыть не один европейский недочет в русской исторической жизни».[15]

С появлением в степях печенегов нарушилось торговое сообщение Руси с Византией и охрана торговых путей стала одной из основных задач во внешней политике русских князей. Другая задача, также на долгое время ставшая господствующей, — охрана степных границ Русской земли. Борьба Руси с половцами круто изменила направление ее исторической жизни. Половецкие нападения имели страшные последствия. Пустели города и даже целые районы. В. О. Ключевский считал, что никакими мерами нельзя было устранить эту опасность.

Наряду с юридическим и экономическим принижением низших классов и княжескими усобицами половецкие набеги были, по мнению В. О. Ключевского, одной из главных причин того, что с половины XII в. происходит постепенное запустение Киевской Руси, сопровождавшееся отливом населения и завершившееся в XIII в. монголо-татарским погромом. В то же время В. О. Ключевский подчеркивал, что борьба Руси с кочевниками имела огромное значение для судеб европейской цивилизации: «Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления».[16]

Второе направление в изучении рассматриваемой нами проблемы представлено Н. И. Костомаровым, в основе взглядов которого на образование Русского государства лежала борьба двух начал — удельно-вечевого (или фе-

---

[14] Там же, с. 67.

[15] Там же, с. 68.

[16] Там же, с. 130, 131, 159—161; см. также: *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974, с. 439.

деративного) и монархического (или начала единодержавия). Кочевые народы, в его интерпретации, оказывались вовлеченными в этот процесс, играя весьма значительную роль. Носителем «федеративного начала» являлась «южнорусская» народность, а «начала единодержавия» — «великорусская». Под «южнорусскими» Н. И. Костомаров понимал украинцев, которых он противопоставлял великорусам. Отличия между ними он объяснял различными чертами психического склада, которые якобы обусловили и разные направления исторического развития украинского и русского народов. Характерной чертой украинской народности, по Н. И. Костомарову, являлось господство начала личной свободы, почему она и выработала вечевой строй, а великорусы в противоположность этому создали монархический строй, единодержавие.[17]

В борьбе вечевого строя с монархическим перевес оказался на стороне последнего, и большую роль в этом процессе, как утверждал Н. И. Костомаров, сыграли кочевые народы. Значение печенегов, торков и половцев исследователь рассматривал в двух аспектах. Первый — влияние их на развитие цивилизации в Древней Руси.[18] Он полагал, что печенеги, торки и берендеи, с которыми пришлось столкнуться в X—XI вв. «некрепкой юношеской цивилизации русской», поселившись «на берегу Роси и смешавшись с русскими... вносили в жизнь последних новый, дикий элемент и задерживали развитие цивилизации». «Русь была окружена чужеземцами, — писал Н. И. Костомаров, — готовыми вмешиваться в ее дела. С востока, как тучи, одна другой мрачнее, выходили полчища степных кочующих народов Азии, жадных к грабежу и истреблению».[19] Одновременно эти племена составили часть

---

[17] Эти положения наиболее отчетливо сформулированы в статьях: *Костомаров Н. И.* 1) Две русские народности. — В кн.: Исторические монографии и исследования. СПб., 1903, т. 1, кн. 1, с. 31—65; 2) Черты народной южнорусской истории. — Там же, с. 67—158; 3) Мысли о федеративном начале в Древней Руси. — Там же, с. 1—30; см. также: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, т. 2, с. 139, 140; *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография, с. 428, 429.

[18] В 60-е годы XIX в., когда писал Н. И. Костомаров, термин «цивилизация» понимался очень широко и включал в себя элементы не только культурной, но и общественной жизни (см.: *Цамутали А. Н.* Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. Л., 1971, с. 211).

[19] *Костомаров Н. И.* Черты народной южнорусской истории, с. 112.

южнорусского населения, и, по мере того как Южная Русь «наполнялась» инородными этническими группами, «южнорусы» были вынуждены переселяться в другие районы Руси и тем самым, по мнению Н. И. Костомарова, «вероятно, ослабляли свой элемент в отечестве».[20]

Второй аспект, по Н. И. Костомарову, заключался в том, что борьба с кочевниками была основной причиной, препятствовавшей развитию на Руси «народного самобытного строя». Таким образом, кочевники оказались одним из элементов той силы, которая, с одной стороны, мешала развитию в Киеве удельно-вечевого строя, а с другой — не давала возможности развиться и укрепиться прочному деспотизму. Происходило это вследствие того, что, как полагал Н. И. Костомаров, тогда в Киеве не было «прочного права преемничества князей». Выборное же право принадлежало народу, но оно «беспрестанно нарушалось правом силы и оружия», ибо «народная воля» часто заменялась то волей «воинственной толпы», принимавшей сторону того или иного князя, то волей половцев или других народов. Аналогичную роль в истории Южной Руси с конца XI в. стали играть печенеги, торки и берендеи, которые составили часть населения Южной Руси и принимали деятельное участие во внутренних делах южнорусских князей. На основании этого Н. И. Костомаров утверждал, что «в Руси не могло образоваться ни прочной княжеской власти, ни родовой аристократии, ни... народоправления». Следовательно, из-за «разнородности населения», «непостоянства общественного строя» и частых половецких набегов в Южной Руси происходило постепенное запустение. Последний удар нанесло Киеву монголо-татарское нашествие.[21]

Созданная Н. И. Костомаровым концепция впоследствии была воспринята В. Б. Антоновичем и М. С. Грушевским и легла в основу их построений, несших на себе отпечаток взглядов украинской буржуазно-националистической школы.[22]

Представители украинской буржуазной историографии второй половины XIX в. много занимались изучением проблем взаимоотношений Киевской Руси с кочевниками. Ими было введено в научный оборот большое количество

---

[20] Там же, с. 114.
[21] Там же, с. 112, 116, 133, 158.
[22] См.: Очерки истории исторической науки..., т. 2, с. 141.

документального материала, значительно продвинута разработка многих важных проблем. Особое внимание уделялось изучению истории Киевской Руси, которая, однако, неправомерно рассматривалась исключительно как ранний период истории Украины. Появились первые монографии, посвященные разработке областной истории.[23]

В 1884 г. была издана монография П. В. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар», явившаяся первым в дореволюционной историографии обобщающим трудом, посвященным изучению кочевников и вопросов их взаимоотношений с Русью. Автор поставил перед собой цель проследить, «насколько и как повлияло соседство кочевников» на политическую жизнь Древней Руси, «каковы были отношения между тюрками и славянами», «рассмотреть... значение соседства кочевых масс с Русью и влияние его на ход ее истории».[24] Прежде чем приступить к основной задаче исследования, П. В. Голубовский предпринял попытку решить спорный вопрос о «взаимном племенном родстве печенегов, торков и половцев», который имел в то время большое значение, поскольку в науке существовали разногласия по поводу узов, куманов, кипчаков, половцев (различные источники по-разному именовали эти племена).[25]

Путем анализа известий русских летописей и сопоставления их с сообщениями византийских хроник, западных и восточных источников П. В. Голубовский пришел к следующим выводам: во-первых, «кумане—кипчаки—половцы есть один и тот же народ»; во-вторых, «узы представляют из себя торков наших летописей»; в-третьих, «европейские писатели знают в Европе *три*

---

[23] *Багалей Д. И.* История Северской земли до половины XIV ст. — В кн.: Сб. сочинений студентов университета св. Владимира. Киев, 1882, вып. 4, с. 1—310; *Голубовский П. В.* 1) История Северской земли до половины XIV века. — Там же, 1881, вып. 3 (рец. И. А. Линниченко на сочинения П. В. Голубовского и Д. И. Багалея см.: ЖМНП, 1883, май, с. 1—43); 2) История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895; *Ляскоронский В. Г.* История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897 (2-е изд. — Киев, 1903), и другие работы.

[24] *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорус. степей IX—XIII вв. Киев, 1884, с. II.

[25] *Голубовский П. В.* Об узах и торках. — ЖМНП, 1884, июль, с. 1—21. — Статья в качестве одной из глав вошла в вышеназванную монографию.

отдельные племени: печенегов, торков-узов и половцев»,[26] и все эти племена представляют одну семью тюрок.[27]

Основное внимание П. В. Голубовский сосредоточил на изучении отношений Руси с тюркскими племенами. Монография, написанная им на основе богатейшего фактического материала, подробно освещала взаимоотношения между степняками и Русью. Начав изложение с первого упоминания русской летописью под 915 г. о кочевниках, автор показал, как развивались отношения Руси с печенегами, торками и половцами на протяжении почти четырехсотлетнего пребывания их в причерноморских степях. П. В. Голубовский отмечал, что эти отношения носили разносторонний характер.

Раскрывая содержание отношений с печенегами во время господства их в Причерноморье, П. В. Голубовский подчеркивал, что печенеги то совершали грабительские набеги на Русь (968, 1017 гг. — нападение на Киев), то в качестве наемников включались в дружины русских князей (поход на Византию в 944 г.), то участвовали во внутренних делах Руси — привлекались русскими князьями в качестве вспомогательной силы в междоусобной борьбе. В 1019 г. в битве на р. Альте печенеги были окончательно разбиты, после чего часть их бежала за Дунай, а часть осела в южных районах Руси.[28]

Следующую волну кочевников, сменивших печенегов, составляли торки. П. В. Голубовский отмечает, что за время недолгого пребывания торков в степях у славян было лишь два крупных столкновения с ними, причем оба закончились поражением последних. От второго поражения торки уже не смогли оправиться, и уцелевшая часть их осела на юге Руси, в значительной степени растворившись в местной среде и составив вместе с печенегами основное ядро черноклобуцкого союза.[29]

Разделяя мнение большинства исследователей, П. В. Голубовский считал, что наибольшую опасность для Руси представляли половцы. Половецкое войско, обладавшее хорошей военной организацией, было грозной силой. При этом именно в отношениях к половцам наиболее ярко отразились политические интересы русских князей. П. В. Голубовский иллюстрировал данное поло-

---

[26] *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы..., с. 49.
[27] Там же, с. 64.
[28] Там же, с. 70—72.
[29] Там же, с. 75, 76, 138, 139, 147—149.

жение политикой, проводимой северским князем Олегом, который на основании хорошей осведомленности о характере половцев, их обычаях, нравах, военной тактике составил определенный план отношений с кочевниками. Одним из элементов такой политики Олега было стремление воздерживаться от бесполезных походов в глубь степей. Он пытался влиять на кочевников другими способами. Олег вел с ними мирные переговоры, а в 1107 г. женил своего сына Святослава на дочери половецкого хана Аэпы. «Вместе с этим, — писал П. В. Голубовский, — Олег старается предупреждать и отражать набеги врагов. Поэтому, отказываясь принимать участие в походах, он всегда соединяет свои силы с другими князьями, когда дело идет о защите границ».[30] И впоследствии северские князья в основном придерживались политики Олега.

П. В. Голубовский отметил различную степень зависимости княжеств от кочевников. Самому сильному разорению подвергалось Переяславское княжество — на его долю выпала бóльшая часть половецких набегов. Ссылаясь на летопись, П. В. Голубовский, отмечал, что оно было передовым постом Русской земли со стороны степи, принимавшим на себя первые удары кочевых масс.[31] Он объяснял это в первую очередь географическим положением Переяславского княжества и растянутостью его границ. Значительным опустошениям подвергались также Рязанское и Северское княжества.

Помимо оборонительной борьбы русские князья вели борьбу наступательную. Они предпринимали в глубь степей военные походы, преследовавшие две цели: защиту границ и защиту торговых путей.[32]

Особое внимание П. В. Голубовской обращал на характеристику черных клобуков, роль которых в истории Руси, особенно ее южных областей, весьма значительна. Они были расселены в Поросье и находились на службе у русских князей — охраняли границы Южной Руси. П. В. Голубовский признавал также большое значение черных клобуков в политической жизни Руси и в ее борьбе с половцами. Русь приобрела в лице черных клобуков «легкое, подвижное войско» для преследования половцев, уходящих с добычей, писал он.[33] Помимо этого,

[30] Там же, с. 110, 111.
[31] Там же, с. 121.
[32] Там же, с. 156, 166.
[33] Там же, с. 152.

черноклобуцкое население, растворившись в славянской среде, принесло новый тюркский элемент и оказало, таким образом, большое влияние на славян в культурном отношении. Вообще П. В. Голубовский считал, что если бы роль кочевников ограничивалась лишь участием их во внешних войнах и они не являлись бы деятельными участниками внутренних событий на Руси, то соседство с ними могло бы принести только пользу; по его мнению, кочевники были представителями более сильной культуры, более устойчивого образа жизни.

П. В. Голубовский поднял один из важнейших вопросов историографии того времени — об отражении борьбы со степью в устном народном творчестве. Он писал о том, что «весьма многие подробности борьбы с кочевниками отразились в былинах». В них есть «прямое упоминание о Половецкой орде, память о походе Кончака 1184 г., о браках с половчанками, память о Шарукане...».[34]

Оценивая значение борьбы Руси с кочевниками во всемирно-историческом процессе, П. В. Голубовский писал, что она вышла победительницей, а «кочевнические волны разбились о нее»; Русь «на своих плечах вынесла эту борьбу и всею грудью прикрыла Европу».[35]

Однако в оценке значения этой борьбы для самой Киевской Руси в трудах П. В. Голубовского отразились взгляды, свойственные представителям школы В. Б. Антоновича, учеником и последователем которого он был. В частности, имеется в виду тезис В. Б. Антоновича о том, что «украинский народ принадлежит к ... категории „безгосударственных наций", для которых главным содержанием исторического процесса являются национальные стремления».[36] Под этим же углом зрения рассматривал историю Руси и П. В. Голубовский. Поэтому, считая набеги кочевников страшным бедствием для русского народа, он видел в них причину неравномерного развития северных и южных областей Древнерусского государства. В то время как население юга должно было вести постоянную борьбу с кочевниками, на севере «упрочивались новые государственные идеи», накапливались силы, создающие условия для успешной колонизации, для роста и укрепления новых городов. С другой стороны, по

---

[34] Там же, с. 245.
[35] Там же, с. 158.
[36] Очерки истории исторической науки..., т. 2, с. 708.

П. В. Голубовскому, кочевники (половцы, в частности), являлись «уравновешивающей силой», поддерживавшей на Руси присущее ей древнее политическое устройство, поскольку, выступая на стороне то одних князей (а значит, одних «идей» и «стремлений», проводимых какой-либо княжеской семьей), то других, они тем самым не давали им возможности развиться и упрочиться. Для описываемого периода основными П. В. Голубовский вслед за Н. И. Костомаровым и В. Б. Антоновичем считал централизаторские и федеративные идеи.[37]

Население Южной Руси, занятое защитой границ, не имело возможности «обратить свой взгляд на другие события, совершавшиеся на земле Русской». Поэтому на юге «не могло сложиться никакого прочного порядка» и население, спасаясь от опасного соседства кочевников, уходило на север, в более безопасные области. Князья севера следили за ходом политических событий на Руси и распространяли свое влияние на всю Русскую землю, строили новые города, успешно проводили колонизацию. «Таким образом, под влиянием соседства кочевников постепенно совершалось усиление северных областей».[38]

Рассматривая историю отношений Киевской Руси с печенегами, торками и половцами, П. В. Голубовский затронул и другие проблемы, связанные с историей собственно кочевников, историей не только политической, но и социально-экономической, историей быта, культуры, общественных отношений, идеологии, поскольку эти взаимоотношения проявлялись не только в сфере политической истории и не сводились лишь к военным столкновениям.

Однако главы, посвященные быту, культуре, общественным отношениям и идеологии кочевых племен, наиболее слабые в книге П. В. Голубовского, так как для полного раскрытия этих проблем явно не хватало сведений, предоставляемых письменными источниками, а современная наука еще не располагала достаточным количеством археологического материала [39] (хотя автором и была предпринята попытка привлечения археологических данных).

Написанная с позиций буржуазной методологии, но содержащая богатый фактический материал монография П. В. Голубовского явилась первым и долгое время оста-

[37] *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы..., с. 174—179.
[38] Там же, с. 179—181.
[39] См.: *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. — МИА, 1958, № 62, т. 1, с. 151.

валась единственным обобщающим трудом по истории кочевников. Она послужила исходным пунктом для дальнейших обсуждений вопроса о взаимоотношениях Руси и кочевников.

Вскоре после выхода в свет книги П. В. Голубовского была опубликована рецензия В. В. Радлова и А. А. Куника на нее, в которой подчеркивалось значение изучения кочевников для более полного понимания истории Руси. Высокой оценки, по мнению авторов рецензии, заслуживала глава «Русь и кочевники», в которой П. В. Голубовскому удалось проследить направления нашествий кочевников на Русь, исходные пункты походов русских князей в степи, что представляло известные трудности из-за малочисленности источников и растянутости русских границ. Авторы отмечали беспристрастие П. В. Голубовского при оценке то наступательной, то оборонительной борьбы русских князей и, что особенно интересно, важность выявления им причин, мешавших «целым поколениям князей с надлежащим успехом отражать кочевников».[40]

Более обстоятельному рассмотрению вопросы, поднятые П. В. Голубовским, были подвергнуты украинским историком В. Г. Ляскоронским. Отмечая несомненные положительные качества монографии П. В. Голубовского, он указывал и на некоторые ее недостатки и даже ошибки, причины которых усматривал в том, что «автор строил свои выводы на основании только одних письменных источников... без достаточной критической проверки их помощью предварительного подробного научного изучения как самой территории, на которой происходили трактуемые автором события, так и находящегося на ней населения в археологическом, антропологическом, этнографическом и общественно-бытовом отношениях».[41] Одним из пробелов анализируемого им труда В. Г. Ляскоронский считал освещение вопроса о месте торческих поселений, который, по его мнению, был одним из важнейших в истории пристепной окраины Руси. В более широком плане изучение этой проблемы давало возможность проследить взаимное влияние оседлого и кочевого мира.[42] В. Г. Ляскоронский придерживался той точки зрения, что «в боль-

---

[40] ЖМНП, 1886, окт., отд. IV, с. 19—23.

[41] *Ляскоронский В. Г.* К вопросу о переяславльских торках. — ЖМНП, 1905, апр., с. 278, 279.

[42] *Ляскоронский В. Г.* История Переяславльской земли..., с. 107.

шинстве случаев при равных условиях в численном отношении культура оседлости подчиняет, хоть отчасти, кочевой элемент». Аналогичное явление он усматривал и на юго-востоке Руси.

К этой проблеме обратился сам В. Г. Ляскоронский.[43] Появление его работы было вызвано опубликованием «Очерков переяславской старины» А. В. Стороженко, приуроченных к празднованию 900-летия со дня основания Переяславля. Возражения В. Г. Ляскоронского вызвала глава «Где жили переяславские торки?».[44] В ней автор сделал неудачную попытку «более точного», чем в монографии П. В. Голубовского, определения местоположения торческих поселений и их значения в истории Южной Руси. Известие Ипатьевской летописи под 1080 г. о бунте переяславских торков («заратишася торци переяславлестии на Русь»)[45] дало основание А. В. Стороженко поместить торков в районе г. Переяславля, а с помощью современной ему топонимики определить границы поселений.

Выводы А. В. Стороженко вызвали резкую критику со стороны В. Г. Ляскоронского, который справедливо считал их недостаточно обоснованными. Проведя критический анализ статьи А. В. Стороженко, он высказал свои собственные соображения по этому вопросу, начав изложение с выяснения причин, побудивших торков поселиться на юге Руси, и «их роли и значения в судьбах южнорусских окраин».[46]

Обосновывая свои выводы известиями летописей, В. Г. Ляскоронский определил возможную территорию расселения торков. При этом он учитывал характер местности, пути, по которым половцы совершали набеги на Русь и которыми пользовались русские князья при походах в глубь степей, места столкновений кочевых орд с русскими князьями. Наиболее опасным районом В. Г. Ляскоронский считал Посулье. Именно здесь, по его утверждению, были поселены торки, которые «служили как бы связующим звеном той цепи укреплений, какие последовательно, систематически воздвигались

---

[43] *Ляскоронский В. Г.* К вопросу о переяславльских торках.

[44] *Стороженко А. В.* Очерки переяславской старины: Исслед., док. и заметки. Киев, 1900, с. 33—43.

[45] ПСРЛ. М., 1962. Т. II. Ипатьевская летопись, стб. 196.

[46] *Ляскоронский В. Г.* К вопросу о переяславльских торках, с. 286 сл.

Русью в этих юго-восточных пределах ее».[47] Область расселения торков включала нижнее течение рек Сулы, Супоя, Трубежа, территорию в пределах от Воиня до Заруба. К концу XI в. торки продвинулись к северо-западу Переяславского княжества.

Переяславскому княжеству В. Г. Ляскоронский придавал особое значение. Он впервые отметил важность Переяславля как «оплота и защиты» Руси с юго-востока «от степных варваров».[48] Исследователь считал, что возникновение Переяславля было обусловлено необходимостью как «охраны... разраставшейся все больше оседлости и государственности», так и «регулирования отношений со степью». «Находясь на границе с грозной степью, — писал В. Г. Ляскоронский, — Переяславльская земля была поставлена в необходимость быть постоянно настороже, в готовности отражать нападения врагов. С незапамятных времен на эту юго-восточную окраину Руси почти беспрерывной волной нападают степные варвары, которые делают эту страну как бы перепутьем для своих дальнейших походов на русские земли».[49]

В трех главах монографии В. Г. Ляскоронского, посвященных политической истории Переяславского княжества, была подвергнута рассмотрению борьба переяславских князей с половцами. В. Г. Ляскоронский полагал, что в то время отношения к степи были «самым жгучим вопросом», и не только для Переяславского княжества, но и для всех южнорусских земель, поскольку из-за частых нападений половцев население уходило из разоряемых кочевниками мест, торговые пути теряли свое значение, производительность труда падала. Эти обстоятельства сказывались и на отношениях между князьями. Для того чтобы отвратить опасность, князья вырабатывали, по мнению автора, целую систему мер, призванных влиять на степняков, в которой исследователь различал два направления: одно — со стороны Киева, другое — Чернигова. Киевские князья разрешали споры либо силой оружия, либо путем мирных переговоров. Черниговские же князья

---

[47] Там же, с. 301.

[48] *Ляскоронский В. Г.* Владимир Мономах и его заботы о благе Русской земли : Ист. очерк. Киев, 1892, с. 11, 12.

[49] *Ляскоронский В. Г.* История Переяславльской земли..., с. 291.

старались избежать военных столкновений и даже считали половцев своими союзниками.[50]

Обширную статью В. Г. Ляскоронский посвятил изучению походов русских князей против половцев в условиях усилившейся половецкой опасности.[51] Он считал, что предпринимаемые князьями походы в глубь степей имели своей целью не столько защитить торговые пути, сколько «последовательными неожиданными и учащенными нападениями на половцев, предпринимаемыми в самые тяжелые для степняков времена, подорвать их силы и тем предохранить свои земли от половецких нашествий». По его мнению, действия со стороны князей могли быть вызваны различными политическими обстоятельствами, в частности попытками поднять значение Южной Руси, и в первую очередь Киева.

С другой стороны, в походах князей В. Г. Ляскоронский усматривал стремление привлечь на свою сторону подчиненные половцам полукочевые народы, чтобы использовать их в своих интересах: поселяя торков на путях, какими обычно половцы вторгались в пределы Руси, князья обязывали их нести сторожевую службу. В. Г. Ляскоронский обращал внимание и на то, что подобная охрана была не очень надежной. Часто размещенные на окраинах Руси кочевники действовали вопреки интересам русских князей, предупреждая половцев о готовящихся походах. Из этого автор делал вывод о том, что «политика поселенных на юго-восточном русском предстепье торков, берендеев и других степняков и их

[50] И. Тихомиров в рецензии на монографию В. Г. Ляскоронского упрекал автора в преувеличении значения Переяславского княжества. Сам И. Тихомиров считал, что роль этого княжества в русской истории была «довольно незначительна» (ЖМНП, 1898, июнь, с. 459—466). Работа В. Г. Ляскоронского получила также отрицательную оценку И. А. Линниченко, который в обширной рецензии на нее указывал, что она имеет «весьма слабое научное значение». И А. Линниченко не останавливался на критическом анализе интересующих нас глав, отметив лишь, что им присущи недостатки, характерные для всей монографии в целом, а именно — использование общеизвестных пособий, отсутствие критического подхода к источникам, подчас простое перечисление фактов и др. (*Линниченко И. А.* Рец. на кн.: Ляскоронский В. Г. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897. — Изв. Одес. библиогр. о-ва при имп. Новорос. ун-те, 1912, т. 1, вып. 5, с. 1—25).

[51] *Ляскоронский В. Г.* Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход князя Витовта на татар в 1399 году. — ЖМНП, 1907, март, с. 1—37; апр., с. 273—312.

предупредительное отношение к половцам служили прекрасным показателем... начинавшегося упадка Юго-Восточной Руси, не имевшей возможности оказать серьезного отпора напиравшей с востока кочевой силе».[52]

Походы, предпринимаемые князьями западных областей Руси, Черниговского и Новгород-Северского княжеств, по мнению В. Г. Ляскоронского, носили качественно иной характер и сводились к «приобретению добычи от степняков». К таким походам он относил и поход 1185 г. Игоря Северского. «Хотя Игорь, — писал В. Г. Ляскоронский, — отправляясь в поход на половцев, и высказывал, что он хочет повести свои полки *на землю Половецкую за землю Русскую* и что лучше пасть в честном бою, чем быть полонену, тем не менее князем руководили другие причины: скорее удаль, жажда добычи, чем земские интересы толкали князя в степи... Выступив в поход, князь Игорь не извещает об этом никого из посторонних князей, как бы опасаясь, чтобы кто-либо не помешал его плану и не воспользовался намеченной им добычей».[53]

Отношения южнорусских князей с половцами В. Г. Ляскоронский пытался связать с общим явлением, которое имело место на юге Руси в течение ряда веков, а именно с «постоянным движением кочевников на запад».

Аналогичная трактовка содержалась и в работах украинского буржуазного историка М. С. Грушевского; последний рассматривал борьбу с кочевниками в неразрывной связи с процессами славянской колонизации. Он признавал громадное воздействие степи на экономическую, политическую и культурную историю, считал степную полосу на юге Руси «широкой дорогою из Азии в Центральную Европу, на которой развивались широкие культурные сообщения, но по которой также без конца двигались различные кочевые орды».

Под натиском кочевников население уходило на север и северо-запад, но, как только тюркский натиск ослабевал, оно вновь возвращалось в южные области. Эти «приливы и отливы оседлой колонизации в степь и пред-

---

[52] Там же, апр., с. 286.

[53] Там же, с. 291, 292; см. также: *Ляскоронский В. Г.* Северские князья и половцы перед нашествием на Русь монголов. — В кн.: Сб. статей в честь Дмитрия Александровича Корсакова: История — История литературы — Археология — Языковедение — Философия—Педагогика. Казань, 1913, с. 281—296.

степье», по мнению М. С. Грушевского, оказывали решающее влияние «на всю историческую эволюцию Юго-Восточной Европы», обусловливавшее характер ее политической и культурной жизни и препятствовавшее развитию в этих областях политических центров.[54]

В работе М. С. Грушевского было использовано большое количество не только письменных источников, но и археологических, этнографических, лингвистических. В этом отношении она выгодно отличалась от других исследований, основанных главным образом на письменных источниках.

Своеобразную трактовку получили вопросы борьбы с кочевыми народами в работе М. Д. Затыркевича,[55] который упрекал предшествующих исследователей в недооценке роли кочевых народов в истории страны. Этот упрек, в частности, относился к С. М. Соловьеву и Н. И. Костомарову, в трудах которых, по мнению автора, подчеркивалось лишь регрессивное значение кочевников домонгольского периода: кочевники изображались «пассивным, страдательным элементом», задерживавшим развитие Русского государства, и «вся деятельность их ограничивалась только грабежами и опустошениями».

М. Д. Затыркевич придерживался противоположной точки зрения. Прежде всего процесс борьбы оседлого населения с кочевыми народами он объявил «основным содержанием» и «движущим началом» всей древней и средневековой истории народов как Запада, так и Востока. Именно в борьбе оседлого городского населения с варварскими кочевыми народами, считал М. Д. Затыркевич, сложились все государства, в том числе и Русское. В связи с этим процесс образования последнего он представлял следующим образом. В попытках овладеть Приднепровьем и Черноморским побережьем русские князья вступили в борьбу с кочевыми народами. Одержав победу над печенегами, они утвердились на берегах Дуная и Азовского моря, однако ненадолго. При дальнейшем движении на

---

[54] *Грушевский М. С.* Киевская Русь. СПб., 1911, т. 1, с. 4—6; монография соответствует первым четырем главам кн.: *Грушевській М. С.* Історія України—Руси. Львов, 1904, т. 1.

[55] *Затыркевич М. Д.* О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства в домонгольский период. М., 1874. — Работа была представлена в качестве диссертации для получения степени магистра государственного права.

юг победа осталась на стороне кочевых народов, и князьям пришлось отказаться от стремлений утвердиться на берегах Азовского моря. Оттесняемые кочевниками и от берегов Черного моря, русы вынуждены были поселиться в Приднепровье. Впрочем, здесь их положение также оказалось небезопасным. С одной стороны, Приднепровьем хотели овладеть новгородские князья, с другой — варяги, поселившиеся в польских и литовских городах, вели наступление на русов с запада, наконец, в самом Приднепровье была велика опасность кочевников; в это время появляются в степях половцы, и теснимые ими с востока печенеги, торки и берендеи участили набеги на приднепровские города.

Появление в степях в XI в. половцев, по мнению М. Д. Затыркевича, имело решающее влияние на политическое развитие Восточной Европы. Он объяснял это тем обстоятельством, что набеги половцев в корне отличались от печенежских и торческих. Если последние определялись им как разбойничьи, предпринимавшиеся с целью грабежа и захвата пленных, то половецкие набеги, по его оценке, сознательно преследовали завоевательные цели. В интересах обороны князья строили сторожевые линии на границах своих владений, примыкавших к степи. Однако наиболее радикальным средством окончательной победы над половцами русские князья, как полагал М. Д. Затыркевич, считали заселение степей и истребление кочевого населения. Для этого в предстепье строились города, население которых составляли как пленные, так и кочевники, искавшие защиты в русских землях. Так увеличивалась область оседлого населения.

При этом в пристепной полосе образовалось много городов, в которых преобладали кочевники. Уже в XII в. степь опустела, сторожевая линия потеряла стратегическое значение, естественной границей между оседлым и кочевым миром стал Днепр.

Кочевники в процессе расширения Русского государства за счет степей превратились в его господствующее население, и Русское государство тем самым стало варварским.

Основной вывод, сделанный М. Д. Затыркевичем, сводился к тому, что кочевники положили начало новому государству — Русскому — и новой народности — южнорусской. «Следовательно, Русское государство домонгольского периода, в котором впервые почти

все славянские города Восточной Европы соединились в одно политическое целое, основано... кочевыми народами», а завоеватели и завоеванные постепенно слились в один народ.[56] В дальнейшем борьба между ними переходит в борьбу между сословиями. У М. Д. Затыркевича в этом процессе участвуют три сословия: боярство, посадское население и дружинники, причем княжеских дружинников он считал потомками кочевых народов.

Концепция М. Д. Затыркевича не только не нашла последователей, но, напротив, вызвала резкую критику современников.

В. И. Сергеевич посвятил разбору монографии М. Д. Затыркевича обширную статью. По его мнению, ошибки автора вытекают из стремления «во что бы то ни стало найти в ходе нашей истории те же черты, которые наблюдаются в ходе истории западноевропейских государств», и в частности из-за попыток доказать «варварское происхождение» Русского государства. Поэтому В. И. Сергеевич констатировал, что, несмотря на большое количество использованного материала, работа М. Д. Затыркевича не имеет научной ценности.[57]

Другим откликом на книгу М. Д. Затыркевича была рецензия В. Незабитовского, в которой отмечалось, что попытка показать процесс образования Древнерусского государства, опираясь лишь на факты, не удалась, так как их интерпретация была подчинена надуманной теории автора.[58]

По мере расширения круга привлекаемых источников наряду с общими трудами, в которых проблема «Русь и кочевники» рассматривалась лишь как часть, хотя и важная, общерусского исторического процесса, появляются и специальные исследования, посвященные отдельным во-

---

[56] *Затыркевич М. Д.* О влиянии борьбы..., с. 157.

[57] *Сергеевич В. И.* Исследования г. Затыркевича в области домонгольского периода русской истории. — ЖМНП, 1876, янв., с. 204—235.

[58] *Незабитовский В.* Рец. на кн.: Затыркевич М. Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства в домонгольский период. М., 1874. — Унив. изв., Киев, 1876, № 3, с. 1—15; см. также: *Цамутали А. Н.* 1) Социально-политическая история Киевской Руси в освещении М. Д. Затыркевича. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971, с. 247—254; 2) Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977, с. 191—195.

просам истории кочевников и их взаимоотношений с Русью.

Так, в статье И. Беляева,[59] основанной на анализе летописных материалов, рассматривалось отношение Руси к черноморским территориям в период господства в причерноморских степях печенежских и половецких орд до середины XIII в. И. Беляев писал, что «кочевья печенегов, рассыпанные по придпепровским степям, отнюдь не были страшны для русских и не прерывали сообщения их с черноморскими владениями», «торговля с Грециею не прекращалась, и прежде занятые пункты черноморских берегов по-прежнему оставались за русскими».[60]

Появившиеся вслед за печенегами половцы нарушали равновесие на этих территориях. И. Беляев отличал днепровских половцев от донских, считая последних более сильными и многочисленными. Днепровские же половцы не чувствовали себя полными хозяевами, поскольку, с одной стороны, в непосредственной близости от них лежали владения Ростиславичей, с которыми половцы находились в дружественных отношениях, с другой — здесь же кочевали торки и печенеги, всегда поддерживаемые русскими князьями. Данные обстоятельства и предоставляли русским «возможность довольно свободно производить торговлю с греками». Однако постепенно влияние русских на Черноморском побережье начинает ослабевать. Начало этого процесса И. Беляев связывал с изгнанием Мстислава из Киева, а конец относил к 1204 г., после которого летописи уже ни разу не упоминали о столкновениях половцев с русскими в данном районе. Затем здесь, по мнению И. Беляева, утвердились половцы, а позднее — монголы.

В целом И. Беляев считал, что соседство с кочевниками было особенно «тягостно для киевских и переяславских владений... мир с половцами не удерживал их (половцев. — *Р. М.*) от грабительств»,[61] хотя, несмотря на грабежи, половцы не смогли завладеть ни одним городом ни в Приднепровье, ни на черноморском берегу.

Отношения между русскими князьями и торками, берендеями и черными клобуками прослежены на летопис-

---

[59] *Беляев И.* О северном береге Черного моря и прилежащих к нему степях до водворения в этом крае монголов. — Зап. Одес. о-ва истории и древностей, 1853, т. 3, с. 3—46.

[60] Там же, с. 10, 11.

[61] Там же, с. 29.

ном материале И. Самчевским.[62] Автор очень подробно проанализировал характер этих отношений, различая в них два периода: до подчинения торков русским князьям и после поселения их на границе со степью. Первый период отмечен лишь военными столкновениями, второй — тем, что племена, подчиненные власти русских князей, становятся верными союзниками Руси.

Черные клобуки, помимо того что всегда были «постоянными стражами», принимали деятельное участие и во внутренних делах Киевского княжества. И. Самчевский считал их более надежными союзниками в междоусобной борьбе русских князей, чем половцев, которые «пользовались всяким удобным случаем пограбить даже у своих союзников», изменить им.[63]

Кроме оказания военной помощи участие черных клобуков в междоусобицах, по мнению И. Самчевского, выражалось еще в том, что они, во-первых, «часто решают перевес одного князя над другим», во-вторых, участвуют «в избрании князя киевского наравне с жителями Киева и других городов Киевской области» и, в-третьих, имея «собственных начальников», «признают главным своим повелителем киевского князя». В то же время И. Самчевский отмечал, что в летописи «черные клобуки отличаются от Руси» прежде всего тем, что не являются христианами. По его предположению, черные клобуки впоследствии стали «одним из элементов казачества», которое, таким образом, вело свое происхождение со времен Древней Руси.[64]

Вопросы взаимоотношений Киевской Руси с кочевниками привлекли в 60—70-х годах XIX в. внимание Н. Я. Аристова. Впервые с фактом влияния кочевников на Древнюю Русь он столкнулся во время работы над монографией, в которой постоянные неприязненные отношения кочевых народов и Руси рассматривались как одна из причин, задерживавших промышленное развитие страны. Кроме того, автор констатировал, что печенеги, торки и половцы затрудняли торговые движения русских по Днепру, Дону, Дунаю и Днестру, поэтому «торговые ка-

---

[62] *Самчевский И.* Торки, берендеи и черные клобуки. — В кн.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым. М., 1855, кн. 2, 1-я половина, отд. 3, с. 83—106.

[63] Там же, с. 97.

[64] Там же, с. 99, 100, 105, 106.

раваны должны были в X—XII вв. идти не иначе, как вооруженные, в сопровождении войска и сражаться на пути с печенегами и впоследствии с половцами, которые не давали проезда русским на торговых путях».[65]

Позднее в опубликованной Н. Я. Аристовым «Хрестоматии» специальный раздел был посвящен борьбе Руси со степняками. В качестве источников для освещения этой темы автор избрал известия Лаврентьевской летописи, «Слово о полку Игореве» и «Сказание о пленном половчине».[66]

Н. Я. Аристов выпустил затем исследование по исторической географии Половецкой земли,[67] в котором на материалах летописных известий и географических названий, сохранившихся в топонимике южных районов России, рассматривал пределы кочевания половецких орд. В отношении борьбы Руси с кочевыми народами Н. Я. Аристов придерживался мнения большинства исследователей, что наиболее опасными врагами были половцы, а русские вели с ними в основном борьбу оборонительную, построив с этой целью систему укреплений по р. Роси. Вместе с тем он считал, что если русские предпринимали походы в степи, то половцы «никогда не выдерживали дружного натиска нескольких князей».[68] Хотя в книге о половцах Н. Я. Аристов использовал достаточно широкий круг источников, в целом его работа носила описательный характер.

В том же году была опубликована статья П. Бурачкова о куманах.[69] Она содержала соображения автора по ряду вопросов этнической истории половцев и географии размещения их кочевий. Устанавливая границы Половецкой земли, П. Бурачков опирался в основном на данные русских летописей, считая их более надежным источником, чем известия восточных писателей. Однако он признавал, что для решения поставленных проблем уже недостаточно

---

[65] *Аристов Н. Я.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1866, с. 246—247. — Под промышленностью Н. Я. Аристов понимал совокупность различных видов хозяйственной деятельности.

[66] *Аристов Н. Я.* Хрестоматия по русской истории для изучения древнерусской жизни, письменности и литературы от начала письменности до XVI века. Варшава, 1870, гл. IX.

[67] *Аристов Н. Я.* О земле Половецкой: (Ист.-геогр. очерк). Киев, 1877, с. 49.

[68] Там же, с. 25.

[69] *Бурачков П.* Опыт исследования о куманах, или половцах. — Зап. Одес. о-ва истории и древностей, 1877, т. 10, с. 111—136.

привлечения одних лишь письменных источников, и указывал на необходимость использования данных таких наук, как краниология, археология, лингвистика. Из названия статьи следует, что П. Бурачков отождествлял половцев и куманов, считая эти термины двумя названиями одного и того же народа. Естественной границей между Половецкой землей и русскими, по П. Бурачкову, был Днепр, в доказательство чего в его статье приводились подробные описания летописями походов русских князей.

П. Бурачков коснулся и вопросов социально-экономического строя половцев. Он отрицал наличие у половцев земледелия и торговли. Не признавал и существования у них городов, так как считал, что «русские часто называли городами укрепления из кольев, повозок или хвороста, сделанные в течение одного дня».[70]

П. Бурачкову принадлежит интересное наблюдение о сходстве «каменных баб» из Приазовья с сибирскими каменными изваяниями. Это дало ему основание полагать, что половцы пришли из Сибири, ибо летописи сохранили, как казалось исследователю, предание о приходе куманов именно оттуда.

Относительно роли половцев в истории Руси он также являлся сторонником точки зрения, согласно которой господство половцев в степях не препятствовало общению русских с черноморскими владениями.

Проблемная статья, посвященная взаимоотношениям кочевых народов и оседлых государств, принадлежит перу известного русского востоковеда второй половины XIX в. В. В. Григорьева. Исследование истории народов Средней Азии и Казахстана позволило ему выделить ряд характерных черт во взаимоотношениях оседлых и кочевых народов, которые он распространял и на времена Киевской Руси. «Изучая историю кочевых народов в их столкновениях с оседлыми и историю оседлых государств в их борьбе с кочевниками, — писал В. В. Григорьев, — встречаем постоянно у тех и других... одни и те же стремления, одну и ту же политику, одни и те же приемы для достижения их... целей».[71] Он сделал интересное наблюдение относительно ритмичности набегов кочевников, от-

---

[70] Там же, с. 127.

[71] *Григорьев В. В.* Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами. — ЖМНП, 1875, март, с. 1—27.

метив при этом, что они не были произвольными, а происходили из-за толчков, которые получали от соседних, более сильных племен, но не указал на основные причины, коренившиеся в характере самого кочевого общества, — разложение родо-племенных и зарождение феодальных отношений.

Общими почти во всех случаях были, как считал В. В. Григорьев, и приемы борьбы оседлых народов с кочевниками. Оседлые государства, чтобы несколько обезопасить себя от изнурительной борьбы, устраивали оборонительные валы на границах с владениями кочевников. Прибегали они и к таким средствам, как торговля. В. В. Григорьев называл это «смягчением нравов» кочевников путем приобщения их к цивилизации. Однако любое «приобщение к цивилизации», слияние с покоренными народами рассматривалось им как гибельное для победителей-кочевников, поскольку они утрачивали свою «национальность».

Несмотря на предпринимаемые решительные меры против кочевников, они тем не менее, как казалось В. В. Григорьеву, всегда были сильнее оседлых народов. Он считал, что окончательное подчинение кочевников датируется лишь XVIII в.

В период перехода российского капитализма к высшей стадии — империализму — произошли серьезные изменения в политической, социально-экономической и культурной жизни страны. Резко обострились классовые противоречия и усилилась классовая борьба. Эти перемены нашли отражение и в развитии исторической науки.

В рассматриваемый период все еще сохраняла свои традиции «государственная школа», теории которой по-прежнему оказывали огромное влияние на буржуазных историков.

Во многих отношениях ее последователем являлся П. Н. Милюков — ученик В. О. Ключевского, представитель последнего поколения буржуазных историков.[72] В. И. Ленин, оценивая ранний период научной деятельности П. Н. Милюкова, писал, что он был «одним из наиболее сведущих историков, кой-чему научившимся у исторического материализма... в бытность свою историком. Историк Милюков пытается поставить вопрос вполне научно, т. е. материалистически».[73] Впоследствии, однако,

[72] См.: *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография, с. 514—525.
[73] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 176—177.

став лидером кадетской партии, П. Н. Милюков нередко пытался обосновать ее политику примерами из истории.[74] Но эта часть его произведений отмечена печатью эклектики и спекулятивными соображениями.

Наиболее полно общеисторическая концепция П. Н. Милюкова, разработанная в его ранних трудах, представлена в «Очерках по истории русской культуры». В этой книге изложены теоретические и методологические принципы, на которых автор основывает свои оценки исторического процесса.[75]

Характерной чертой его концепции было по-прежнему противопоставление России странам Западной Европы. Логическая цепь, выстроенная П. Н. Милюковым, такова: особенности географической среды в России обусловили «состояние непрерывной колонизации населения», постоянное изменение его плотности. Поэтому народ превращался в инертную, неспособную к борьбе с кочевниками массу. Организовать народ смогло бы только сильное государство. И далее следовало еще одно звено (знакомое по трудам «государственников») в построении П. Н. Милюкова — необходимость обороны от кочевников как причина закрепощения сословий.[76]

Отмечая факт постоянных вторжений кочевников на территорию Европы в течение нескольких столетий, П. Н. Милюков приходит к выводу, что, «как ни велико было значение кочевников в общем ходе русской истории, в образовании племенного состава русского населения роль их была совершенно ничтожна».[77] Это заключение он подкрепляет ссылкой на П. В. Голубовского. Но исследование последнего вряд ли дает основание для подобных выводов.

П. Н. Милюков видел роль кочевников в том, что они влияли на рост и передвижение населения, от чего в свою очередь зависело экономическое развитие страны. Верно отметив факт периодически повторявшихся вторжений кочевых народов Азии в обширные пространства европей-

[74] См.: *Шапиро А. Л.* Русская историография в период империализма : Курс лекций. Л., 1962, с. 15, 21, 22.

[75] См.: *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография, с. 515; Историография истории СССР. . ., с. 384.

[76] См.: *Шапиро А. Л.* Русская историография в период империализма, с. 20.

[77] *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1898. Ч. 1. Население, экономический, государственный и сословный строй, с. 39.

ских степей, влияние на этот процесс политических перипетий, П. Н. Милюков тем не менее не дал в своих работах сколько-нибудь развернутого и обоснованного объяснения причин подобных явлений.

Остается повторить, что П. Н. Милюков испытал на себе сильное влияние государственной школы.

Новым в построениях П. Н. Милюкова по сравнению с тезисами государственной школы было положение о зависимости экономического развития страны от роста и подвижности населения, что он ставил в непосредственную связь с интенсивностью набегов кочевых народов.[78] Непосредственно историей кочевых народов П. Н. Милюков не занимался, пользуясь материалами исследований других историков, в частности П. В. Голубовского. Тем не менее предложенное им решение вопроса о роли и месте кочевников в истории Руси представляет интерес для общего понимания его общеисторических взглядов.

Оценивая ранние работы П. Н. Милюкова, главным образом его «Очерки по истории русской культуры», Н. Л. Рубинштейн отмечал, что именно они имели «основное, определяющее значение» на этом этапе развития русской исторической науки.[79] Вместе с тем труды П. Н. Милюкова всегда отличала крайняя тенденциозность: «...даже в этих работах П. Н. Милюкова его схема, его буржуазная идеология довлела над научным материалом».[80] Можно присоединиться и к выводу о несостоятельности попытки П. Н. Милюкова объяснить внешними причинами «утверждение сильной государственной власти в России».[81]

Важное место в развитии отечественной исторической науки рассматриваемого периода занимает А. Е. Пресняков. Его научная деятельность совпадала по времени с зарождением марксистско-ленинской исторической науки. Исторические воззрения А. Е. Преснякова представляли собой сложный комплекс. С одной стороны, в его работах предреволюционного периода имела место попытка преодолеть традиционные взгляды С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, В. О. Ключевского и противопоставить им свою точку зрения, сводящуюся, в частности, к необходимости

---

[78] См.: *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография, с. 517—519.
[79] Там же, с. 515.
[80] Там же, с. 514.
[81] Историография истории СССР..., с. 385.

рассматривать историю Руси в связи с общеисторическим процессом. С другой стороны, А. Е. Пресняков не смог полностью преодолеть идеалистических воззрений, под влиянием которых находился в ранний период своей научной деятельности. Оказывала на него давление и государственная теория, хотя после 1917 г. А. Е. Пресняков пытался встать на позиции марксизма.[82]

Вопрос о влиянии теории государственной школы на взгляды А. Е. Преснякова имеет прямое отношение к изучению им взаимоотношений Киевской Руси с кочевниками. Этому вопросу исследователь посвятил специальную лекцию «Внешнее положение Киевской Руси в XI—XII вв. Борьба со степью и территориальное самоопределение» в курсе лекций по русской истории.[83] Курс был издан после смерти А. Е. Преснякова, но в основу его были положены лекции, прочитанные ученым в 1907—1908 гг. в Петербургском университете. Само название лекции достаточно точно определяет позицию автора. Его основная идея сводится к тому, что «внешние условия киевской истории необходимо иметь в виду при изучении внутренней жизни Киевщины: основные процессы этой исторической жизни развивались под постоянным давлением борьбы со степью».[84]

Автор стремился показать, на фоне каких внешних условий складывалось общественное и государственное устройство Киевской Руси в XI—XII вв., и подчеркивал, что среди них на первом месте была «борьба со степью». Он считал, что печенежская опасность являлась одной из причин, «вызвавших создание в Киеве сильной военной княжеско-дружинной организации». Вполне обоснованно А. Е. Пресняков уделил значительное внимание половцам, наиболее сильным противникам Руси в киевский период. Однако он сделал акцент лишь на военном характере отношений с половцами. «В течение всего своего исторического существования, — отмечал А. Е. Прес-

---

[82] *Рубинштейн Н. Л.* 1) Предисловие. — В кн.: Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. Киевская Русь, с. III—VI; 2) Русская историография, с. 505—507; *Черепнин Л. В.* Об исторических взглядах А. Е. Преснякова. — Ист. зап., 1950, т. 33, с. 203—231; *Шапиро А. Л.* Русская историография в период империализма, с. 87—98 (критика А. Е. Пресняковым традиционных взглядов на историю Древней Руси).

[83] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1938, т. 1, с. 143—153.

[84] Там же, с. 146.

няков, — древняя Киевщина была на боевом положении. В ее истории не было сколько-нибудь продолжительного периода мирного, который дал бы возможность сосредоточить все национальные силы на внутреннем строительстве».[85]

Важное значение придавал А. Е. Пресняков тому обстоятельству, что Киевская Русь приняла на себя основные удары кочевых орд. Он отмечал, что «за свое служение делу европейской культуры Киевщина заплатила ранним надрывом своих сил: огромная историческая задача легла на нее в эпоху, когда Киевская Русь была еще непрочно построенным, вышедшим из периода внутреннего брожения организмом и молодой в социологическом отношении средой».[86] Постоянным напряжением сил для борьбы за свое существование и их недостаточной организованностью исследователь объяснял тот факт, что Россия, отрезанная от Черного моря, перестала быть угрозой для Византии, и то, что прекратились наладившиеся, выгодные для обеих сторон разносторонние связи с Западом. Сложность международного положения послужила, по мнению А. Е. Преснякова, причиной невозможности создания сколько-нибудь прочных, определенных государственных границ, а это в итоге привело Киевское государство к феодальной раздробленности в конце XII в.[87] И в дальнейшем А. Е. Пресняков защищал тезис о том, что «государственное единство создается под давлением внешней опасности, политическое объединение выковывается в международной борьбе».[88]

Оценивая взгляды А. Е. Преснякова, следует подчеркнуть, что, хотя он после Великой Октябрьской социалистической революции и пытался приблизиться к марксизму в решении задач общеисторического плана, проблема взаимоотношений Руси и кочевников рассматривалась им с позиций государственной школы.

При разработке вопросов о взаимоотношениях Руси и кочевников с 80-х годов XIX в. приобретает важное значение изучение археологических памятников. С этого

---

[85] Там же, с. 143—145.
[86] Там же, с. 145, 146.
[87] Там же, с. 150—153.
[88] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2, вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство, с. 151; см. также: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963, т. 3, с. 305.

времени ведутся систематические раскопки, осуществляется публикация материалов по отдельным курганам и могильникам,[89] в результате чего значительно пополняется круг источников. Центральным вопросом при обобщении накопленного археологического материала становится отнесение тех или иных памятников к определенным этническим группам. Появилась возможность ставить и решать новые проблемы, связанные, в частности, с определением этнической принадлежности погребальных памятников и хронологией.[90]

Дореволюционная марксистская историография

В обстановке борьбы со старыми буржуазными и народническими теориями в русской исторической науке зарождалось новое направление — исторический материализм. В трудах В. И. Ленина были выдвинуты основополагающие идеи, касающиеся как общеисторического развития, так и русского исторического процесса. Большую роль в критике старых теорий и развитии нового направления русской историографии сыграл Г. В. Плеханов.[91]

Отдавая должное заслугам Г. В. Плеханова, следует признать, что при рассмотрении влияния кочевников на Русь он не во всем отказался от концепций старой историографии. С одной стороны, Г. В. Плеханов выступал

---

[89] *Бранденбург Н. Е.* Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908.

[90] *Спицын А. А.* Курганы киевских торков и берендеев. — Зап. Рус. археол. о-ва, 1899, т. 11, вып. 1/2, с. 156—160. Перед загл.: А. С.; *Спицын А. А., Геве В.* Заметки о некоторых киевских древностях. — Зап. Отд-ния рус. и славян. археол. Рус. археол. о-ва, 1905, т. 7, вып. 1, с. 143—153; *Бранденбург Н. Е.* Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил Киевской губернии, в которых вместе с покойниками погребены остовы убитых лошадей. — В кн.: Тр. X археологического съезда в Риге, 1896. М., 1899, т. 1, с. 1—13; *Самоквасов Д. Я.* 1) Основания хронологической классификации могильных древностей Европейской России. Варшава, 1892; 2) Могилы Русской земли. М., 1908; *Городцов В. А.* 1) Типы погребений печенегов, торков, половцев и татар до XIV в. — В кн.: Тр. XIII археологического съезда в Екатеринославе, 1905. М., 1908. Т. 2. Протоколы, с. 142; 2) Бытовая археология. М., 1910, и другие работы; обзор литературы о «каменных бабах» см.: *Веселовский Н. И.* Современное состояние вопроса о «каменных бабах», или «балбалах». — Зап. Одес. о-ва истории и древностей, 1915, т. 32, с. 408—444.

[91] См.: Очерки истории исторической науки..., т. 2, с. 273.

против идеи «самобытности» развития России, причины которой буржуазные историки усматривали в том числе и в борьбе с кочевниками, с другой — некритически воспринял теорию «борьбы леса со степью». В работе «История русской общественной мысли» наиболее полно изложены взгляды Г. В. Плеханова на ход исторического процесса в России. Это исследование основывается на методологии исторического материализма, что с неизбежностью привело автора к необходимости пересмотреть прежде всего представления о географической среде и ее влиянии на ход русской истории.[92]

Признавая, что влияние географической среды в древности «было чрезвычайно велико», Г. В. Плеханов, однако, в оценке этого влияния на ход исторического развития России расходился с С. М. Соловьевым. Он считал, что «географическая обстановка влияет на характер данного народа лишь через посредство общественных отношений, принимающих тот или другой вид в зависимости от того, замедляет или ускоряет она рост производительных сил».[93] Относительно России Г. В. Плеханов был убежден, что географические условия там замедляли ход развития производительных сил, чем и обусловливалось ее отставание от стран Западной Европы.

Решению интересующей нас проблемы отношений Руси с кочевыми племенами Г. В. Плеханов придавал огромное значение и считал, что «внимательнее следовало рассмотреть вопрос об экономических и общественно-политических последствиях борьбы оседлого населения восточной равнины со своими кочевыми неприятелями».[94] Он пришел к выводу о земледельческом характере хозяйства у восточных славян. Это мнение Г. В. Плеханов противопоставил распространенному в исторической литературе того времени воззрению о господстве охоты в хозяйстве Руси до XIII в., на основе которого делался вывод, что кочевники-скотоводы, находившиеся на более высокой ступени экономического развития, чем славяне-охотники, одерживали победы над ними вполне закономерно. Г. В. Плеханов ставил акцент на том, что хозяйство славян, основанное на земледелии, предполагало иную, чем

---

[92] *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли. М., 1918, т. 1, с. 1.

[93] Там же.

[94] Там же, с. 36.

у кочевников-скотоводов, военную организацию. «У номадов все или почти все взрослые мужчины — воины; у земледельцев военное дело становится занятием лишь некоторой части общества, например в Киевской Руси — князя и его дружины». Отсюда вытекает необходимость централизации и политического единства. Г. В. Плеханов напоминал, что «Казань и Астрахань пали только тогда, когда окончательно объединилась Восточная Русь».[95] Вот почему Г. В. Плеханов такое большое значение придавал роли князя как «военного сторожа» Русской земли и объединению вокруг него всего народа. В конечном итоге эти исторические изыскания были использованы для обоснования тезиса о необходимости «сотрудничества классов» с царским правительством в борьбе против внешних врагов.[96]

Последствия борьбы Руси с кочевниками Г. В. Плеханов усматривал в том, что, во-первых, многовековой натиск кочевников «помешал русскому населению продвинуться вплотную к берегам Черного моря и даже заставил его отступить на север и на северо-запад. Это вынужденное отступление от морских берегов должно было замедлить экономическое развитие Руси. Во-вторых, оттеснивши Русь от берегов Черного моря, кочевники продолжали нападать на ее торговые караваны, затрудняли ее сношения с Крымом и Византией, чем создавали новые препятствия для ее экономического развития. В-третьих, периодически опустошая территорию оседлого русского племени, они мешали его росту благосостояния».[97] И «в конце концов, — писал Г. В. Плеханов, — кочевники в лице татар совсем остановили самостоятельное развитие Юго-Западной Руси и вызвали передвижение центра тяжести русской исторической жизни на северо-восток».[98]

Несмотря на критические замечания Г. В. Плеханова по поводу взглядов С. М. Соловьева на роль кочевых народов в истории Руси, сам он пришел к аналогичным выводам. Его построения основывались на теории «колонизации», в значительной степени воспринятой у С. М. Соловьева. Недаром Г. В. Плеханов считал, что

---

[95] Там же, с. 45.

[96] См.: Очерки истории исторической науки..., т. 3, с. 130—131.

[97] *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли, т. 1, с. 45—46.

[98] Там же, с. 47.

последний «был совершенно прав», характеризуя историю России как историю колонизующейся страны, и поддержал его точку зрения о том, что «колонизация совершалась... при постоянном и сильном натиске со стороны кочевников».[99]

Таким образом, «борьба со степью», «влияние географической среды», «колонизация населения» — все это служило Г. В. Плеханову для объяснения отсталости России, «слабости в ней классовой борьбы и классовых противоречий».[100]

Хотя Г. В. Плеханов являлся представителем нового направления в отечественной историографии, его взгляды по рассматриваемому вопросу нередко складывались под влиянием С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова. В отличие от них Г. В. Плеханов придавал большое значение общению Руси с кочевыми народами и призывал рассматривать его с точки зрения экономической и общественно-политической, но сам он исследованием этих проблем так и не занялся.

Другим представителем формирующегося марксистского направления в русской историографии был Н. А. Рожков. Он указал на последствия уничтожения половцами существовавших ранее торговых путей, что вело, в частности, к ослаблению, а затем и окончательному прекращению торговли с Востоком в XI в.: «Во внешней торговле XI и XII веков произошли изменения, которые отнюдь не свидетельствуют о том, что она увеличилась — скорее наоборот. В XI веке с падением Хазарского царства и торжеством половцев в южных и юго-восточных степях торговля с арабами слабеет и, наконец, совершенно прекращается, потому что половцы совершенно перерезывают и уничтожают существовавший раньше путь для этой торговли».[101] Таким образом, именно половцы, по мнению Н. А. Рожкова, представляли наибольшую опасность для Древнерусского государства: они задерживали продвижение славян в степи, оттесняли их с черноземных земель на север и разоряли Южную Русь.[102]

---

[99] Там же, с. 73.

[100] Очерки истории исторической науки..., т. 3, с. 131; Историография истории СССР..., с. 425—429.

[101] *Рожков Н. А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. (Основы социальной динамики). 4-е изд. Л.; М., 1930, т. 1, с. 152.

[102] Там же, т. 2, с. 5, 6.

Глава вторая

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ С КОЧЕВНИКАМИ В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Историография 20-х—середины 30-х годов

В первое десятилетие после Великой Октябрьской социалистической революции и даже до середины 30-х годов появилось сравнительно немного исследований, непосредственно касавшихся взаимоотношений Руси с кочевниками. Как правило, эти вопросы затрагивались лишь попутно, в связи с изучением истории Киевской Руси. Однако уже тогда делались попытки качественно нового по сравнению с дворянскими и буржуазными историками подхода к проблеме. Это нашло отражение прежде всего в трудах М. Н. Покровского.[1]

Общепризнанно значение его критики концепций русского исторического процесса, созданных дореволюционными историками, в первую очередь представителями государственной школы. Наиболее отчетливо это проявилось в ряде историографических статей, написанных в послереволюционный период.[2] Попытка дать общий очерк развития исторической науки в России XIX—XX вв. с марксистских позиций привела исследователя к необходимости критического пересмотра многих положений дворян-

---

[1] Об исторических взглядах М. Н. Покровского в целом, его вкладе в развитие исторической науки и ошибках см.: *Соколов О. Д.* М. Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970; *Говорков А. А.* М. Н. Покровский о предмете исторической науки. Томск, 1976.

[2] *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов: Историогр. очерки, крит. статьи и заметки. М.; Л., 1933, вып. 1—2.

ских и буржуазных историков. Свою аргументацию М. Н. Покровский строил, руководствуясь принципом оценивать любое историческое произведение не только с точки зрения фактического материала, положенного в его основу, но и с учетом того, кто был его автором, в какой общественной среде оно создавалось, «какая борьба происходила в этой общественной среде».[3] Под таким углом зрения он рассматривал и теорию «борьбы леса и степи» С. М. Соловьева.

М. Н. Покровский считал С. М. Соловьева величайшим русским историком XIX в., обладавшим «громадной исторической образованностью»,[4] но при этом характеризовал его как яркого представителя крупной буржуазии с присущими ей чертами буржуазной идеологии, отразившимися на историческом мировоззрении. «Классовый характер» носила и его теория «борьбы леса и степи». Вскрывая причины появления этой теории, М. Н. Покровский исходил из оценки политической и экономической обстановки в России во второй половине XIX в. Сопоставив даты написания статей, в которых С. М. Соловьев впервые сформулировал свою теорию,[5] с датами двух войн России с Турцией (Крымской войной 1853—1856 гг. и русско-турецкой войной 1877—1878 гг.), исследователь установил, что они совпадают. Он обратил внимание на то, что как раз в эти годы С. М. Соловьев читал курс русской истории наследникам престола (сначала Николаю Александровичу, а позднее Александру Александровичу) и вынужден был, по мнению М. Н. Покровского, теоретически обосновать необходимость данных войн. М. Н. Покровский видел причины русско-турецких войн в экономическом положении России того времени, в попытках русского правительства добиться расширения внешнего рынка за счет завоевания территорий к югу от Черного моря, Кавказского хребта и Каспийского моря. «Эти войны, — писал он, — были необходимы как отдушины для русского промышленного капитала». С. М. Соловьев создал, как полагал М. Н. Покровский, такую историче-

---

[3] *Покровский М. Н.* Борьба классов и русская историческая литература. — В кн.: Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов, вып. 1, с. 10—29.

[4] Там же, с. 52.

[5] Имеются в виду статьи «Древняя Россия» и «Начало Русской земли».

скую концепцию, которой можно было бы объяснить смысл и необходимость ведения русско-турецких войн. Так, согласно М. Н. Покровскому, возникла теория «борьбы леса со степью», которая носила, по его словам, «определенно классовый характер».[6]

Как известно, точка зрения С. М. Соловьева была воспринята В. О. Ключевским и получила дальнейшее развитие в его трудах. По этому поводу М. Н. Покровский утверждал, что теория «борьбы леса со степью» (по В. О. Ключевскому — «борьба за национальное существование») служила для обоснования концепции закрепощения сословий и создания Русского государства.

Отмечая «искусственность» теории «борьбы леса со степью», М. Н. Покровский связывал ее существование у целого поколения буржуазных историков со стремлением «доказать, что государство в России не было созданием господствующих классов и орудием угнетения всей остальной народной массы», исключить из исторического процесса элементы классовой борьбы, подменив их показом так называемой классовой солидарности, проявлявшейся в борьбе с внешним врагом.[7]

Таким образом, теория С. М. Соловьева, по утверждению М. Н. Покровского, служила оправданием концепции внеклассового происхождения Русского государства, являвшейся «отражением не исторической действительности, а текущих политических интересов».[8] Источники, по его мнению, не подтверждали подобных выводов. Он резко выступал против утверждения, что «борьба со степью» создала Русское государство, противопоставив этому тот факт, что во время наибольшей опасности со стороны степи наблюдается и наибольшая «децентрализация» сил, хотя должно было быть как раз наоборот.[9]

---

[6] *Покровский М. Н.* Борьба классов и русская историческая литература, с. 60, 61.

[7] *Покровский М. Н.* Как и кем писалась русская история до марксистов. — В кн.: Историческая наука и борьба классов, вып. 1, с. 107—110.

[8] *Покровский М. Н.* Откуда взялась внеклассовая теория русского самодержавия. — Там же, с. 187; см. также: *Дубровский С. М.* Академик Покровский и его роль в развитии советской исторической науки. — ВИ, 1962, № 3, с. 21; *Луцкий Е. А.* Развитие исторической концепции М. Н. Покровского. — В кн.: История и историки: Историография истории СССР. М., 1965, с. 351—352.

[9] *Покровский М. Н.* Борьба классов и русская историческая литература, с. 69, 70.

М. Н. Покровский подверг критике всех исследователей, в трудах которых так или иначе была отражена теория «борьбы леса со степью», — С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова, а также Г. В. Плеханова. Основной вывод, сформулированный М. Н. Покровским, заключался в том, что борьбы «леса» со «степью» в истории России не было.[10] В связи с этим в трудах М. Н. Покровского наметилось стремление по-новому осветить роль географической среды в развитии общества. Он подходил с марксистских позиций к оценке роли географических условий с точки зрения влияния последних на производительные силы и производственные отношения,[11] в отличие от упрощенного понимания С. М. Соловьевым и другими представителями государственной школы непосредственной зависимости истории государства от природных условий.

Однако М. Н. Покровский, выступая против теории «борьбы леса со степью» в том виде, в каком она представлена в исследованиях буржуазных историков, не отрицал самого факта борьбы восточных славян с кочевыми племенами. Он писал, что борьба с кочевниками за южнорусские степи «провожает нас через весь древнейший период русской истории, с IX по XIII век».[12] В работе «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровский обращал внимание на опустошительный характер набегов печенегов и половцев на Русь, приведших к массовому переселению славян на север, которое он называл «роковым» для русского исторического процесса. В данном случае исследователь оказался солидарным с В. О. Ключевским, в свое время указавшим на экономическое оскудение Киевской Руси, вызванное рядом причин, в том числе и борьбой с кочевниками. У М. Н. Покровского отрицательные последствия переселения славян связаны с превращением городской Руси в деревенскую. Кочевники участвуют в процессе переселения в качестве «внешней силы». Впоследствии эта точка зрения подверглась критике со стороны Б. Д. Грекова, который предостерегал от взгляда на кочевников исключительно

---

[10] *Покровский М. Н.* Откуда взялась внеклассовая теория русского самодержавия, с. 188.

[11] См.: *Говорков А. А.* М. Н. Покровский о предмете исторической науки, с. 38—42.

[12] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры. 4-е изд. М.; Л., 1925, ч. 1, с. 38.

как на внешнюю силу по отношению к русским, что было бы, как писал он, упрощением вопроса и неверным его освещением.[13]

М. Н. Покровский, признавая враждебный характер отношений между Киевской Русью и кочевниками, в то же время подчеркивал, что княжеские усобицы на Руси сопровождались не меньшим опустошением, чем набеги половцев, а русско-половецкие связи (военные союзы с половцами, смешанные браки и т. д.) приводили к таким своеобразным отношениям, что «представлять себе половцев в виде некоей ... темной азиатской силы, тяжелой тучей висевшей над представительницей европейской цивилизации — Киевской Русью, у нас не будет ни малейшего основания». Тем более что, как отмечал М. Н. Покровский, половцы не умели брать большие города, ограничиваясь опустошением окрестностей или захватом мелких городов.[14]

Этим утверждением М. Н. Покровский ставил под сомнение обычную точку зрения о постоянной угрозе со стороны степи. В то же время он считал, что кочевники-тюрки причерноморских степей «в культурном отношении были сильнее славян», а традиционное мнение о том, что степняки выступали только в роли хищников, обусловливалось представлением о стадиальном развитии общества от охоты к скотоводству и от скотоводства к земледелию: «Раз земледелие есть высшая форма, а скотоводство низшая, то победа степи должна была выражать собою разгром культуры дикарями». Не ссылаясь на какие-либо конкретные исследования, М. Н. Покровский утверждал, что «археологические раскопки последних десятилетий как нельзя более убедительно показали, какое огромное *культурное* влияние имели „дикари" на Древнюю Русь. Степной восток был для русских IX—X веков тем, чем впоследствии для Московского государства и петровской России стала Западная Европа».[15] В данном случае М. Н. Покровский явно преувеличивал уровень культуры

---

[13] *Греков Б. Д.* Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского — В кн.: Против исторической концепции М. Н. Покровского : Сб. статей. М.; Л., 1939, ч. 1, с. 112.

[14] *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. Л., 1924, т. 1, с. 102—103.

[15] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. 1, с. 39.

тюркских народов и степень влияния степного востока на Русь.

В работе «Русская история в самом сжатом очерке» исследователь не касается проблемы взаимоотношений Руси с кочевниками, ограничиваясь упоминанием об убийстве Святослава на днепровских порогах печенегами и неудачном походе Игоря Северского.[16]

Взгляды М. Н. Покровского отражали определенный этап в развитии советской исторической науки. Справедливо критикуя концепции «закрепощения» и «раскрепощения», теорию внеклассового происхождения государства, созданные представителями государственной школы, он вместе с тем преувеличивал непосредственное влияние русско-турецких войн XIX в. на разработку С. М. Соловьевым концепции «борьбы леса и степи». Как известно, М. Н. Покровскому было присуще преувеличение роли торгового капитала в русской истории. Это обстоятельство нашло отражение в оценке причин происхождения Крымской и русско-турецких войн. Отсюда и упрощенная попытка связать исторические взгляды С. М. Соловьева с интересами русской промышленности и торговли, а появление его статей — с конкретными внешнеполитическими событиями. Правомерен, как нам представляется, упрек Н. Л. Рубинштейна, писавшего, что М. Н. Покровский не смог «дать действительный ключ к анализу историка, который научил бы критически пользоваться данными этого историка. Он раскрывал его ошибки не для того, чтобы их преодолеть и исправить, а для того, чтобы его просто отбросить».[17] Это в полной мере относится к оценке критики М. Н. Покровским концепции С. М. Соловьева. Несмотря на явное преувеличение С. М. Соловьевым роли природных условий в историческом процессе, нельзя не учитывать того обстоятельства, что его исследования опирались на огромный фактический материал, частично впервые вводимый в научный оборот.

Вместе с тем критика М. Н. Покровским теории С. М. Соловьева дала известный толчок к разработке в советской историографии важных сторон проблемы взаимоотношений Киевской Руси с кочевниками, в част-

---

[16] *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933, с. 24, 26.

[17] *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941, с. 598.

ности вопроса о взаимном культурном влиянии, получившего дальнейшее развитие в трудах советских исследователей.

В оценке взаимоотношений Киевской Руси с кочевниками близок М. Н. Покровскому В. А. Пархоменко. Выступая на конференции археологов в Херсонесе в 1927 г., он предложил пересмотреть традиционные взгляды на отношения Руси с печенегами, которые «до сих пор рассматривались как народ дикий... с бедной, грубой, однообразной» культурой, как «минус в истории культуры и катастрофа для Киевской Руси».[18] В. А. Пархоменко утверждал, что в русско-печенежских отношениях были периоды тесных контактов и мирных экономических связей. Основанием для подобных утверждений послужило известие Константина Багрянородного о том, что вне союза с печенегами, владевшими днепровскими порогами, Киев не мог вести торговлю с Византией. Кроме того, печенеги и Киев были, по его мнению, связаны «до некоторой степени государственно», поскольку печенеги часто защищали Киев от иноземного завоевания.[19] В то же время в борьбе севера с югом, леса со степью, печенеги поддерживали «старый порядок Киевской Руси».[20]

Доказательством «тесных, близких связей, существовавших в XII в. между социальными верхушками Руси и половцев», В. А. Пархоменко считает также сообщения русских летописей, которые наряду с известиями о борьбе с «погаными половцами», содержат известия о «снемах» князей Руси с половецкими ханами, о брачных союзах и т. д. В русских летописях В. А. Пархоменко находит также «следы половецкого эпоса», являющиеся, как он полагает, одной из сторон культурных русско-половецких контактов.[21]

---

[18] *Пархоменко В. А.* Киевская Русь и печенеги. (К вопросу о взаимоотношении Киевской Руси со степью). — В кн.: Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10—13 сентября 1927 г. По случаю столетия херсонесских раскопок (1827—1927). Севастополь, 1927, с. 49

[19] *Пархоменко В. А.* Русь и печенеги. — Slavia, Praha, 1928, č. 8, s. 143.

[20] *Пархоменко В. А.* Киевская Русь и печенеги..., с. 49—50. — Эта точка зрения не нова и уже неоднократно высказывалась в дореволюционной науке (П. В. Голубовским и др.).

[21] *Пархоменко В. А.* Следы половецкого эпоса в летописях. — В кн.: Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940, сб. 3, с. 391—393.

Все это дало основание В. А. Пархоменко прийти к выводу, что Киевская Русь «не вышла в общем из роли конкурентов печенежских и потом половецких ханов»,[22] а «идея извечной, принципиальной борьбы Руси со степью явно искусственного, надуманного происхождения».[23]

А. Ю. Якубовский также считал «глубочайшим заблуждением» мнение, будто отношения «между русскими феодальными княжествами и кочевой половецкой степью» сводились лишь «к постоянной вражде, когда набеги половецких ханов на русские земли сменялись княжескими походами в глубь Дешт-и-Кыпчак», поскольку летописи неоднократно сообщают не только о военных столкновениях русских с кочевниками, но и о периодах «мирного, торгового общения». «Более того, — отмечал А. Ю. Якубовский, — очень часто враждебные отношения между русскими князьями и половецкими ханами не мешали нормальному ходу торговли. Купцы со своими товарами свободно проходили с одной стороны на другую, не рискуя подвергнуться нападению кого-нибудь из противников».[24] Подтверждением этого являются как летописные известия, так и сообщения восточных источников. В качестве примера А. Ю. Якубовский приводит рассказ Ибн-ал-Биби о походах малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. Сведения, содержащиеся в рассказе, говорят в пользу того, что половцы «знали не только грабительские набеги на окрестные культурные страны и города, но и, что гораздо важнее, — правильные торговые сношения, которые не всегда нарушались частыми военными действиями».[25]

В советской историографии 20—30-х годов наряду с работами, отмечавшими положительное значение кочев-

---

[22] *Пархоменко В. А.* У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л., 1924, с. 69—71, 113.

[23] *Пархоменко В. А.* Следы половецкого эпоса в летописях, с. 391.

[24] *Якубовский А. Ю.* Дешт-и-Кыпчак (половецкая степь) в XI—XIII вв. (до прихода монголов). — В кн.: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда : (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII—XVI вв.). Л., 1937, с. 20.

[25] В 1927 г. А. Ю. Якубовский прочитал доклад на эту тему в Подкомиссии для изучения связей Руси с Византией и Востоком, опубликованный позднее: *Якубовский А. Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. Черты из торг. жизни половец. степей. — Визант. временник, 1927 (1928), т. 25, с. 53—76.

ников, были и такие, которые содержали иную точку зрения.

П. И. Лященко усматривал в продвигавшихся «с диких степей юга» кочевниках ту военную силу, борьба против которой могла быть под силу только такому «прочному государственному и хозяйственному образованию», каким являлась Киевская Русь.[26] По его мнению, кочевники, оттеснив земледельцев-славян от мирных торговых путей, стали причиной замедленного исторического развития восточных славян. Отмечал отрицательное влияние кочевников на русско-византийскую торговлю и И. М. Кулишер.[27]

С. В. Юшков придавал большое значение посредничеству кочевых племен Причерноморья в торговле Руси со странами Востока. Рассматривая внутреннюю и внешнюю торговлю Руси во всех ее аспектах, он отмечал, что разгром Святославом Хазарии отрицательно сказался на экономическом развитии Древнерусского государства. Колебания же в контактах Руси с печенегами и половцами, по его мнению, приводили к неустойчивости торговых отношений Русского государства с Востоком, что в свою очередь оказало влияние на процесс зарождения и развития феодализма на Руси. Особое внимание С. В. Юшков вслед за В. О. Ключевским обращал на «экономический кризис» XII в. Если В. О. Ключевский в качестве его причин называл захват кочевниками днепровской водной дороги, социальный антагонизм между классами и княжеские междоусобицы, то С. В. Юшков полагал, что «из указанных В. О. Ключевским причин экономического кризиса XII в. наибольшее значение имеет первая, именно: перерыв степными кочевниками торговой дороги из варяг в греки».[28] В то же время он учитывал, что и этот «факт является следствием каких-то более общих и более глубоких причин». По-видимому, во времена господства половцев в Причерноморье торговые пути уже не играли такой большой политической роли, какую придавал им

---

[26] *Лященко П. И.* История русского народного хозяйства. М.; Л., 1927, с. 25, 60.

[27] *Кулишер И. М.* 1) История русского народного хозяйства. М., 1925, т. 1, с. 39—41; 2) Очерк истории русской торговли. Пб., 1923, с. 29, 30.

[28] *Юшков С. В.* Феодальные отношения и Киевская Русь. — Учен. зап. Саратов. гос. ун-та, 1924, вып. 4, с. 9—10.

С. В. Юшков, иначе в Русском государстве нашлись бы силы для защиты этих путей, как было, например, в X—XI вв.

Историография середины 30-х—середины 50-х годов

Новый этап в развитии исторической науки в СССР начинается с середины 30-х гг. Этот период является переломным и в изучении проблемы «Русь и кочевники». Он связан прежде всего с утверждением марксистской методологии в исследованиях советских историков. Всестороннюю оценку вопросы взаимоотношений Древнерусского государства с кочевниками впервые получили в трудах Б. Д. Грекова, предложившего отказаться от традиционного упрощенного взгляда на кочевников как на чисто «внешнюю силу» по отношению к Руси.[29]

Не преувеличивая роли кочевников, Б. Д. Греков в то же время считал, что они имели большое значение в истории восточнославянских племен. Исследователь писал, что много кочевников осело на территории Киевского государства, часть их растворилась в массе «„русского“ (славянского) народа, а наиболее сильные из этих „кочевников“ сумели организовать как раз в период распада Киевского государства свое собственное (Кыпчакское) государство».[30] Позднее, отмечая грабительский и опустошительный характер набегов кочевников, создание киевскими князьями оборонительной линии по Десне, Остру, Трубежу, Суле, Стугне, Б. Д. Греков подчеркивал, что «печенеги не вызывали на Руси никакой паники». Благодаря своему могуществу Русь успешно отражала набеги печенегов, а затем разгромила их. Торки были слабее печенегов, не раз выступали союзниками русских князей и переселялись на Русь. Половцы представляли большую опасность для Руси, но уже в начале XII в. русские переходят в наступление на половецкую степь, а еще позднее Киевское государство стало превращать не только остатки печенегов и торков, но и половцев

---

[29] *Греков Б. Д.* Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского. — В кн.: Против исторической концепции М. Н. Покровского: Сб. статей. М.; Л., 1939, ч. 1, с. 112.

[30] Там же; см. также: *Греков Б. Д.* Киевская Русь и проблема генезиса русского феодализма у М. Н. Покровского. — Историк-марксист, 1937, № 5/6, с. 73.

в орудие своей защиты от других подобных же врагов. Русь растворяла часть кочевников в своей среде, привлекала их на свою сторону, вырабатывала формы отношений, соответствующие своему достоинству и приемлемые для кочевников. Кочевники выступали то наемниками, то федератами, часто поселялись на Руси, оседая на землю, постоянно обрусевая и втягиваясь в общую жизнь Киевского государства.[31]

В годы, последовавшие за Великой Октябрьской социалистической революцией, советскими историками велась работа по разысканию и публикации новых источников и критическому изучению уже известных памятников письменности. В связи с этим появилась возможность проводить исследование как проблем, изучение которых было начато в дореволюционное время, так и новых.[32] Благодаря привлечению и комплексному анализу письменного, лингвистического и археологического материала были написаны труды, посвященные неизученным вопросам истории русского и других народов, входящих в состав Советского Союза. Разрабатывались проблемы внешней политики и международных отношений, в том числе и взаимоотношений Руси с печенегами, торками и половцами, с которыми приходилось сталкиваться восточнославянским племенам. Внимание исследователей привлекали также вопросы, связанные с общественным строем, бытом, культурой этих народов. Так, в 40-е годы В. В. Мавродин впервые в советской исторической литературе писал о так называемых половецких городах. Он считал обитателями Шаруканя, Балина, Чешуева и Сугрова смешанное ясо-русско-тюркское население, среди которого превалировали ясы-аланы.[33] Локализацию указанных городов определили позднее Н. В. Сибилев и Б. А. Рыбаков.[34]

---

[31] *Греков Б. Д.* 1) Борьба Руси за создание своего государства. М.; Л., 1942, с. 66—68; 2) Киевская Русь. М., 1949, с. 462—466.

[32] *Греков Б. Д.* Основные итоги изучения истории СССР за 25 лет. — В кн.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942, с. 89.

[33] *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). Л., 1940, с. 212—215.

[34] *Сібільов М. В.* Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського. — Археологія, Київ, 1950, т. 4, с. 99—103; *Рыбаков Б. А.* Русские земли по карте Идриси 1154 года. — КСИИМК, 1952, вып. 43, с. 3—44.

Тогда же А. Пономаревым была предпринята попытка объяснить происхождение названия одного из сильнейших кочевых объединений — половцев. Исследователь считал это слово по происхождению русским. Он полагал, что «русское „половцы" есть не что иное, как перевод имени половецкого народа кубан—куман».[35]

В 40-х годах получила некоторое развитие ранее проявлявшаяся тенденция к идеализации русско-половецких отношений. В. А. Гордлевский вслед за В. А. Пархоменко отрицал губительное влияние половецких набегов на русские земли. Он утверждал, что врагами Руси половцы были только в представлении церкви, когда же русские князья узнавали половцев поближе, то «верхушка общества уже могла смотреть» на них «спокойно». В. А. Гордлевский писал о «тесных» и «дружественных» отношениях между двумя народами — русским и половецким, — которые «вросли в повседневный быт». Эти народы заимствовали друг у друга слова, половцы восприняли на Руси способы обработки металла для оружия. Одновременно «шло духовное взаимодействие: легко просачивался на Русь и тюркский фольклор, его отзвуки встречались в русских летописях» и в «Слове о полку Игореве».[36]

Против такой идеализации русско-половецких отношений выступил А. И. Попов. Он отмечал, что хотя и имелись периоды мирных отношений между Русью и половцами, однако мир этот был «условным», поскольку не существовало единого половецкого государства и определенных, четких границ со степью. А. И. Попов подчеркивал роль непрекращавшейся даже в периоды военных столкновений торговли Руси с Крымом, Кавказом и странами Востока. Большое значение в установлении мирных отношений с половцами он придавал распространению в половецкой среде христианства. Касаясь борьбы

---

[35] *Пономарев А.* Куман—половцы. — Вестн. древней истории, 1940, № 3/4 (12/13), с. 369.

[36] *Гордлевский В. А.* Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве»). — Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1947, т. 6, вып. 4, с. 317—337. — В настоящее время высказано мнение, что словосочетание «босый волк» было свойственно древнерусскому языку изначально (см.: *Козырева В. А.* 1) Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах. — В кн.: Брянские говоры. Л., 1975, вып. 3, с. 56—148; 2) Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров. — ТОДРЛ, 1976, т. 31, с. 93—103).

Руси с половцами, А. И. Попов считал, что борьба эта порой принимала «достаточно ожесточенный характер». Завоевать Русское государство половцы не смогли потому, что у них не было «ничего похожего на чудовищную централизованную военно-административную машину монголо-татар времен Чингисхана или Тимура». По его мнению, особый вред Киевской Руси наносило участие половцев в междоусобной борьбе русских князей. Относительно взаимных культурных влияний А. И. Попов высказал точку зрения, что они были невелики и выражались в основном в заимствовании русскими небольшого количества половецких слов. По его предположению, «русский народ со своим земледельческим складом хозяйства не мог впитывать... несвойственные ему элементы кочевых наездническихкультур».[37] А. И. Попов затронул также проблемы происхождения половцев, их численности, общественного строя, истории языка.

Вопросы исторической географии Половецкой земли стали предметом многолетних исследований К. В. Кудряшова.[38] В 1946 г. им была защищена докторская диссертация, в которой были определены границы Половецкой земли и изучались русско-половецкие отношения.[39]

Позднее была издана книга К. В. Кудряшова, посвященная этим же проблемам.[40] Как отмечал Б. А. Рыбаков, работа К. В. Кудряшова «заполняет значительный пробел в нашей историографии, вносит много нового и привлекает внимание к важным вопросам истории русско-половецкой борьбы в XII в.». Вместе с тем Б. А. Рыбаков отметил и недостатки работы: отсутствие предыстории Половецкой земли и географического очерка, неточное определение центров половецких веж, обратный порядок хронологии.[41]

---

[37] *Попов А. И.* Кыпчаки и Русь. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук, 1949, вып. 14, № 112, с. 101, 104—106, 117.

[38] *Кудряшов К. В.* 1) Историко-географические сведения о Половецкой земле по летописным известиям о походе Игоря Северского на половцев в 1185 году. — Изв. Гос. геогр. о-ва, 1937, вып. 1, с. 52—66; 2) О местоположении половецких веж в Северном Причерноморье в XII в. — ТИЭ. Нов. сер., 1947, т. 1, с. 98—112.

[39] *Кудряшов К. В.* Северное Причерноморье в IX—XII в.: Автореф. докт. дис. — КСИЭ, 1948, № 4, с. 93—96.

[40] *Кудряшов К. В.* Половецкая степь: Очерки ист. географии. М., 1948.

[41] *Рыбаков Б. А.* Рец. на кн.: Кудряшов К. В. Половецкая степь: Очерки ист. географии. — Сов. книга, 1949, № 11, с. 32—35.

В последующие годы К. В. Кудряшов продолжал исследования в области исторической географии Северного Причерноморья в период пребывания в степях кочевых орд и опубликовал ряд работ о походах русских князей в степи и борьбе восточных славян с кочевниками.[42]

К одному из сюжетов русско-половецких отношений — походу Игоря Северского 1185 г. — неоднократно обращались историки и археологи. Историографический обзор существующих мнений об этом походе сделан Б. А. Рыбаковым.[43]

Начиная с 40-х годов советские исследователи стали систематически привлекать к изучению истории кочевников и их взаимоотношений с восточными славянами археологический материал, который становится одним из важнейших источников.[44] При обобщении накопившегося археологического материала особое внимание было обращено на отнесение тех или иных кочевнических комплексов к известным по летописям группам племен — печенегам, торкам, половцам и черным клобукам.[45]

Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в дореволюционные годы, а в советское время новую попытку этнически определить кочевнический материал предприняли А. А. Спицын, Ю. В. Готье, позднее — Н. Д. Мец, С. А. Плетнева, Л. П. Зяблин, Г. А. Федоров-Давыдов.[46] При классификации учитывался ряд при-

---

[42] *Кудряшов К. В.* 1) Борьба русского народа с набегами кочевников причерноморских степей. — В кн.: Очерки истории СССР IX—XIII вв. М., 1953, с. 193—205; 2) О местоположении реки Калки. — ВИ, 1954, № 9, с. 118, 119; 3) Еще раз к вопросу о пути Игоря в половецкую степь. — ТОДРЛ, 1958, т. 14, с. 49—60; 4) Путь Игоря Северского. — Дон, 1958, № 6, с. 160; 5) «Слово о полку Игореве» в историко-географическом освещении. — В кн.: Слово о полку Игореве : Сб. статей. М., 1947, с. 43—94; 6) Про Игоря Северского, про землю Русскую : Ист.-геогр. очерк о походе Игоря Северского на половцев в 1185 г. М., 1959.

[43] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 218—221.

[44] *Рыбаков Б. А.* Археологические источники русской истории. — КСИИМК, 1946, вып. 13, с. 181, 182.

[45] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов : Археол. памятники. М., 1966, с. 5.

[46] *Спицын А. А.* Татарские курганы. — Изв. Таврич. о-ва ист., археол. и этногр., Симферополь, 1927, т. 1 (58), с. 149—153; *Готье Ю. В.* Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930; *Мец Н. Д.* К вопросу о торках. — КСИИМК, 1948, вып. 23, с. 45—49; *Плетнева С. А.* 1) Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. — МИА, 1958, № 62, с. 151—226; 2) Половецкие погребения в уро-

знаков: характер надмогильного сооружения, устройство могилы, положение и ориентировка костяка, сопровождающий инвентарь.

Историография середины 50—60-х годов

С середины 50-х годов при исследовании проблемы взаимоотношений Руси с кочевниками археологи стали играть еще большую роль. Они не только переосмыслили ранее известные письменные источники и памятники материальной культуры, но ввели в научное обращение новые материалы. При комплексном использовании археологических и письменных источников в изучении кочевого общества, его политической истории были достигнуты значительные успехи. В этом отношении заслуживают особого внимания работы С. А. Плетневой, и прежде всего ее исследование «Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях». Это был первый обобщающий труд, посвященный тюркоязычным кочевникам времен Киевской Руси, вышедший спустя почти три четверти столетия после монографии П. В. Голубовского.[47] Эти сходные по названиям работы разделяет не только большой промежуток времени. Различен использованный в книгах материал, отличается и методология исторического исследования. П. В. Голубовский не вышел и не мог выйти за пределы письменных источников, в основном русских летописей. Отсюда ограниченность наблюдений и выводов, хотя для того времени его книга являлась крупным достижением исторической науки.

Работа С. А. Плетневой основана на изучении большого числа археологических комплексов и отдельных предметов, связанных с кочевниками. Ею же использованы и те письменные источники, которые находились

чище Каменная Балка. — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962, с. 133—137; 3) Кочевнический могильник близ Саркела—Белой Вежи. — МИА, 1963, № 109, с. 216—259; 4) Древности черных клобуков. М., 1973. (САИ; Е1-19); *Зяблин Л. П.* 1) Археологические памятники кочевников X—XIV вв. Восточной Европы: Автореф. канд. дис. М., 1952; 2) О «татарских» курганах. — СА, 1955, т. 22, с. 83—96; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы...

[47] *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорус. степей IX—XIII вв. Киев, 1884.

в распоряжении П. В. Голубовского. С. А. Плетнева поставила перед собой задачу, исследовав все известные археологические памятники и письменные источники о кочевых племенах IX—XIII вв., «дать возможно более полное освещение кочевого (печенежского и половецкого) общества в его динамике и связи кочевнического общественного уклада с их политической историей», важнейшим фактором которой она считает отношения с Русью. Затронут ею и ряд других важных вопросов: классификация древностей кочевников и приурочение их к определенным этническим объединениям, общественный строй, вооружение и военное дело, быт, религия и культура. Характеризуя хозяйство кочевников, С. А. Плетнева отметила преобладание в нем скотоводства, высказала ряд соображений о породах скота, его содержании, возникновении и распространении земледелия, а следовательно, оседании кочевников на землю, о почти полном отсутствии выделившегося ремесла и большой роли грабительских набегов.[48]

Важные наблюдения были сделаны С. А. Плетневой при изучении жилищ, средств передвижения, одежды кочевников.[49] Что касается общественного строя, то у печенегов ею отмечены черты военной демократии, базисом которой являлся патриархально-родовой строй. У половцев же зарождение феодальных отношений, их последующее развитие привело общество во времена Кончака к созданию государственного образования (хотя и недолговечного).[50]

Политическую историю половцев С. А. Плетнева разделяет на несколько периодов. Первый период (с середины IX до конца XI в.) — время политического подъема и образования двух половецких объединений: Западного во главе с ханами Боняком и Тугорканом и Восточного, руководимого Шаруканом. Второй период (конец XI в. — 30-е годы XII в.) характеризуется разгромом обоих объединений Владимиром Мономахом. Третий период (30—70-е годы XII в.) отмечается активным участием половцев в междоусобных войнах на Руси, усилением грабежей и обогащением верхушки половецкого общества. Четвертый период (70—90-е годы XII в.) — эпоха хозяй-

---

[48] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы..., с. 186—192.
[49] Там же, с. 196—200.
[50] Там же, с. 192—196.

ственного и политического расцвета Восточного объединения, возглавляемого ханом Кончаком. Пятый период (с конца XII в. до битвы на Калке в 1223 г.) — время постепенного упадка Восточного объединения, ослабления напора половцев на русские границы.[51]

Большое внимание в работе С. А. Плетневой уделено черным клобукам и их роли в истории Руси. Печенеги, торки, берендеи, турпеи, коуи, каепичи, половцы, получившие общее название черных клобуков, оседали на юге Руси и становились вассалами русских князей. Основной областью расселения черных клобуков было Поросье. Выступая помощником киевских князей во время феодальных усобиц, становясь орудием борьбы с растущей раздробленностью страны, черные клобуки сыграли важную роль во внутриполитической жизни Руси. Черные клобуки переходили к оседлости, основывали города.[52] Под влиянием Руси у черных клобуков шел процесс феодализации. У них существовала большая патриархальная семья. Как правило, у черных клобуков не было ханов. В их роли обычно выступали русские князья. Только отдельные племена черных клобуков имели своих ханов. Первое время, до 40-х годов XII в., оседавшие на Руси кочевники не представляли собой единого целого. Но затем, с того момента, когда в летописи впервые встречается термин «черные клобуки», намечается процесс их слияния, хотя он так и не завершился. Поэтому входившие в состав черноклобуцкого союза племена сохраняли определенную самостоятельность.[53]

Подчеркивая неразрывную связь истории кочевников IX—XIII вв. с историей Древнерусского государства, С. А. Плетнева раскрывает разные стороны их взаимоотношений: «Русь не только давала военный отпор кочевникам, но как представитель более высокой культуры и общественного уклада воздействовала на кочевых соседей, постепенно подчиняя их своему влиянию и изменяя

---

[51] *Плетнева С. А.* Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв. (По археол. матер. и письменным источникам): Автореф. канд. дис. М., 1952; ср.: *Плетнева С. А.* 1) Печенги, торки и половцы..., с. 194—196, 220—224; 2) Половецкая земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 260—300.

[52] *Рыбаков Б. А.* Торческ — город черных клобуков. — В кн.: Археологические открытия 1966 г. М., 1967.

[53] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы..., с. 196, 218, 219.

общее направление их политики». Влияние Руси сказывалось в «самых различных областях хозяйства и общественных отношений кочевников»: это и развитие земледелия, и широкое проникновение в степь изделий русских ремесленников, и, наконец, зарождение в кочевой среде феодализма.[54]

За указанной работой последовал целый ряд других исследований С. А. Плетневой. В центр ее внимания попал круг вопросов, охватывающих различные аспекты политической истории кочевых племен, их быта, культуры. Интересные наблюдения сделаны С. А. Плетневой по поводу жилищ кочевников. Остатки княжеской ставки обнаружены в 1958 г. при раскопках Правобережного Цимлянского городища: типичные кочевнические юрты с очагами в центре пола были расположены по окружности вокруг жилища князя. По мнению С. А. Плетневой, в кочевнической среде было распространено куренное построение, что подтверждает факт применения ими «таборной защиты».[55] Это военное построение представляет собой передвижное укрепление из нагруженных возов поставленных в один или два ряда в виде каре или круга, внутри которого помещался наступающий отряд с военачальником или (в случае обороны) семьи сражающихся воинов.[56]

В одной из статей С. А. Плетнева коснулась вопроса о половецком устном народном творчестве. Подвергнув историческому анализу калмыцкую сказку «Медноволосая девушка», она пришла к выводу, что в ней «отражены вполне реальные условия и понятия».[57] Возникла сказка о медноволосой девушке в наиболее яркий период половецкой истории — во время образования государственных объединений, расцвета их экономики и быта. К этому времени С. А. Плетнева относит большинство половецких курганных комплексов в южнорусских степях и половец-

---

[54] Там же, с. 226.

[55] *Плетнева С. А.* О построении кочевнического лагеря-вежи. — СА, 1964, № 3, с. 133—140.

[56] Об этом см.: *Голубовский П. В.* С какого времени можно проследить на юге России способ защиты табором? — В кн.: Тр. XI археологического съезда в Киеве, 1899. М., 1902, т. 2, с. 72—79.

[57] *Плетнева С. А.* Медноволосая девушка: (Опыт ист. анализа сказки). — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 197.

кие статуи.[58] В сказке естественным образом переплелись черты как половецкого, так и славянского фольклора, что свидетельствует о связях между половецким и славянским миром. С. А. Плетнева предполагает, что эта сказка возникла в среде «диких половцев», которые имели наиболее тесные контакты с русскими князьями.[59]

В дальнейшем С. А. Плетнева обратилась к наиболее слабо разработанной проблеме — политической и экономической географии Половецкой земли. После выхода в свет работы К. В. Кудряшова[60] появилось много нового, в основном археологического, материала, который позволяет пересмотреть и разрешить некоторые спорные вопросы, касающиеся территории кочевий, размещения половецких веж, путей и времени передвижения половцев по степи, и значительно уточнить границы Половецкой земли.[61] Подобные попытки предпринимались и раньше, но назрела необходимость обобщить и переосмыслить имеющийся материал, что и сделано в работе С. А. Плетневой. Границы между Киевской Русью и половцами были крайне неустойчивыми. Это в равной степени определялось как процессами, протекавшими в половецком обществе, так и взаимоотношениями половцев с Русью. Окончательное их оформление С. А. Плетнева относит к середине XII в., что подтверждается сообщением летописи под 1152 г. и ареалом устойчивых типов половецких статуй.[62]

Специальное исследование С. А. Плетнева посвятила древностям черных клобуков. В этой работе она опубликовала очень важные и интересные, но неизданные до сих пор археологические материалы из раскопок Н. Е. Бранденбурга, составляющие Эрмитажную коллекцию. С. А. Плетневой произведена их классификация и датировка, прослежены характерные детали погребального обряда, определены границы территории кочевания племен печенегов, торков, берендеев, входивших в союз

---

[58] См.: *Плетнева С. А.* 1) Печенеги, торки и половцы..., с. 207—210; 2) О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время. — КСИА, 1964, вып. 99, с. 24—33.

[59] *Плетнева С. А.* Медноволосая девушка, с. 196, 197.

[60] *Кудряшов К. В.* Половецкая степь.

[61] *Плетнева С. А.* Половецкая земля, с. 260—300.

[62] Там же, с. 275; см. также: *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния. М., 1974. (САИ; Е4-2).

черных клобуков, освещены вопросы их взаимоотношений друг с другом и с киевскими князьями.[63]

Советские исследователи проследили судьбы черных клобуков. После монголо-татарского завоевания часть их переселилась в Поволжье, входившее в состав Золотой Орды. Позднее под названием караборкли («черные шапки») они влились в Ногайскую орду. Другая часть черных клобуков переместилась в Поднестровье.[64] Вполне вероятно, что их потомками являются гагаузы. В пользу этого говорит наличие в языке гагаузов терминов «конь» и «корова», терминов, обозначающих степи, кочевья, караваны. Нет сомнения в том, что предки гагаузов были кочевниками-скотоводами.[65]

С 60-х годов в трудах советских исследователей наметились новые тенденции в изучении истории населения степей. В ряде работ проявилось стремление значительно расширить традиционные хронологические рамки изучения истории половцев и проследить их судьбы в эпоху господства Золотой Орды, под властью которой оказались половецкие племена.[66] Эти попытки дали положительные результаты. В итоге появились возможности более полно, чем это было сделано до сих пор, исследовать социально-экономический строй кочевого общества, быт и культуру кочевников.

В данном направлении проводились исследования Г. А. Федоровым-Давыдовым. В основу его монографии «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» лег археологический материал, нередко дополняющий и уточняющий весьма скудные и отрывочные известия письменных источников. Им учтено более 1000

---

[63] *Плетнева С. А.* Древности черных клобуков. М., 1973. (САИ; Е1-19).

[64] *Зяблин Л. П.* Археологические памятники кочевников X—XIV вв. Восточной Европы; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы...

[65] *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. Ист. основы быта и культ. М., 1958, с. 202—204; *Губогло М.* Гагаузы. — Наука и жизнь, 1969, № 10, с. 99—103; см. также первое в советской исторической литературе исследование о гагаузах: *Державин Н. С.* О наименовании и этнической принадлежности гагаузов. — СЭ, 1937, № 1, с. 80—87.

[66] *Зяблин Л. П.* О «татарских» курганах; *Федоров-Давыдов Г. А.* 1) Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII веке. — Вестн. МГУ. Сер. IX. История, 1965, № 6, с. 49—57; 2) Кочевники Восточной Европы...; 3) Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

комплексов и погребений кочевников X—XIV вв. Обрабатывая археологический материал, Г. А. Федоров-Давыдов применил математико-статистические методы. Он посвятил свою работу изучению внутренней жизни средневекового кочевого общества — материальной культуры, быта, истории расселения и передвижения на территории степной Юго-Восточной Европы. В результате проведенного исследования получено еще одно подтверждение тезиса, сформулированного в советской исторической науке ранее, о том, что не было «чистого» кочевничества, а имело место сосуществование кочевничества с оседлым миром.[67] Г. А. Федоров-Давыдов отметил наличие имущественной дифференциации в кочевнической среде, подчеркнув при этом, что наиболее интенсивно процесс перехода к оседлости шел в среде обедневшей массы кочевников.[68] Археологический материал в данном случае согласуется с известиями письменных источников.

Ежегодные археологические раскопки предоставляли богатейшие данные для всестороннего изучения кочевого общества.[69] Огромное значение имели раскопки Саркела, в результате которых был выявлен археологический и антропологический материал, явившийся важным источни-

---

[67] *Бернштам А. Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—XIII веков. Восточнотюрк. каганат и кыргызы. М.; Л., 1946, с. 5; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы..., с. 198.

[68] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы..., с. 199.

[69] *Кухарева Л. С.* Могильник кочевников у села Максимовка на Днепре. — В кн.: Исследования по археологии СССР: Сб. статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л., 1961, с. 194—202; *Макарова Т. И.* Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X—XI вв. — В кн.: Славянские древности: Археол. сб. Л., 1962, вып. 4, с. 127—134; *Конкин В. Н.* Украшения из половецкого погребения. — СА, 1969, № 2, с. 269—271; *Федорова-Давыдова Э. А.* Погребение знатной кочевницы в Оренбургской области. — МИА, 1969, № 169, с. 262—266; *Кирпичников А. Н.* 1) Погребение воина XII—XIII вв. из Южной Киевщины. — В кн.: Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Л., 1959, вып. 4, с. 219—226; 2) Шлем XII века из погребения кочевника. (По матер. раскопок Кобяковской археол. эксп. 1960 г.). — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962, с. 138—141; 3) Древнерусское оружие. Л., 1966. Вып. 1. Мечи и сабли IX—XIII вв. (САИ; Е1-36); 1966. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.; 1971. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв.; *Кирпичников А. Н., Черненко Е. В.* Конское боевое наголовье первой половины XIII в. из Южной Киевщины. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 62—65.

ком для изучения печенегов и торков. Раскопки позволили также на примере Хазарского каганата проследить процесс складывания культуры феодального средневекового государства.[70]

Большой вклад в изучение кочевников внесли работы советских антропологов. Результаты исследования костных остатков из погребений кочевнического могильника близ Саркела—Белой Вежи показали, что племена, оставившие данный могильник (а это были в основном печенеги и торки),[71] не представляли собой однородную в расовом отношении группу: имелись признаки как монголоидной, так и европеоидной расы, с преобладанием признаков последней.[72]

Л. Г. Вуич произвела детальное изучение черепов из указанного могильника и сопоставление их с аналогичными данными других кочевнических групп с целью определения связей кочевнического населения Саркела с иными группами кочевников. В результате выявилось сходство с серией черепов из курганов Днепропетровской и Харьковской областей[73] и курганов Поволжья эпохи Золотой Орды, исследованных Т. А. Трофимовой.[74] В XIV—XV вв. в степях, особенно на востоке, начинают превалировать монголоиды. Однако много европеоидных элементов, приближающихся по показателям к современным узбекам, обнаружилось среди печенегов. Среди торков, наоборот, видимо, преобладал умеренно монголоидный или чисто монголоидный расовый тип. Во время господства в степях половцев имело место примерно такое же сочетание и распространение различных расовых типов, причем в тех местах, где раньше была распространена сал-

---

[70] Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. — МИА, 1958, № 62, т. 1; 1959, № 75, т. 2; 1963, № 109, т. 3.

[71] *Плетнева С. А.* 1) Кочевнический могильник близ Саркела—Белой Вежи. — МИА, 1963, № 109, с. 259; 2) Печенеги, торки и половцы. . ., с. 162, 214.

[72] *Вуич Л. Г.* Черепа из кочевнического могильника возле Саркела—Белой Вежи. — МИА, 1963, № 109, с. 439, 445; *Плетнева С. А.* Кочевнический могильник близ Саркела—Белой Вежи, с. 258.

[73] Г. Ф. Дебец считает тюркскими (см.: *Дебец Г. Ф.* 1) Палеоантропология СССР. — ТИЭ. Нов. сер., 1948, т. 4; 2) Черепи кочовиків. З розкопів В. О. Городцова в Озюмському та Бахмутському повітах. — Антропология: Річник Кабінету антропології ім. Ф. Вовка за р. 1929, Київ, 1930, т. 3, с. 89—96).

[74] *Трофимова Т. А.* Краниологический очерк татар Золотой Орды. — Антропол. журн., 1936, № 2, с. 166—192.

товская культура, господствовал европеоидный тип.[75] На расовом типе безусловно отразились смешанные браки русских и кочевников. Так, Андрей Боголюбский, как показывают антропологические исследования, имел явно выраженные монголоидные черты, что, очевидно, объясняется половецким происхождением его матери.[76]

В исторической литературе 50—60-х гг., посвященной международным отношениям и внешней политике Древнерусского государства, по-прежнему значительное место уделялось вопросам взаимоотношений восточных славян с кочевниками. Труды советских исследователей внесли много нового в изучение этой важной проблемы.[77]

Исследуя исторические условия формирования русской народности, Л. В. Черепнин отмечал, что процесс складывания древнерусской народности происходил «в условиях ее борьбы за свою независимость», а борьба со степными кочевниками являлась «ускоряющим моментом» в этом процессе.[78] Подобного же мнения был и И. В. Созин, который в качестве одного из факторов, ускоривших процесс перехода восточных славян от первобытнообщинного строя к феодализму, указывал на соседство с кочевой степью. Данным обстоятельством он объяснял также и то, что в своем развитии восточные славяне миновали стадию рабовладения.[79]

Аналогичной позиции придерживается В. В. Каргалов,[80] рассматривающий взаимоотношения восточных славян с кочевниками в плане влияния последних на про-

---

[75] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы..., с. 161, 162, 171, 172, 184, 186.

[76] *Рохлин Д. Г., Майкова-Строганова В. С.* Рентгено-антропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского. — Пробл. истории докапиталист. обществ, 1935, № 9/10, с. 155—161; *Гинзбург В. В.* Андрей Боголюбский. — КСИИМК, 1945, вып. 11, с. 86—88; *Герасимов М. М.* [Андрей Боголюбский]. — Там же, с. 88—91.

[77] См.: *Мавродин В. В., Мавродина Р. М., Фроянов И. Я.* Некоторые вопросы внешней политики и торговли Древней Руси в новейшей советской исторической литературе (1960—1969 гг.). — История СССР, 1970, № 6, с. 116—128.

[78] *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. — В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958, с. 26, 27.

[79] *Созин И. В.* К вопросу о причинах перехода восточных славян от первобытнообщинного строя к феодализму. — ВИ, 1957 № 6, с. 102—114.

[80] *Каргалов В. В.* 1) Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967, с. 4—61; 2) Половецкие набеги на Русь. — ВИ, 1965, № 9, с. 68—73.

цесс образования и развития феодальных отношений в Древнерусском государстве.

В. В. Каргалов выделяет несколько аспектов влияния борьбы с кочевниками на различные стороны жизни Древней Руси: переселение русских на север, утрату Черноморского побережья и степных путей, эволюцию государственного строя, классовую борьбу, процесс образования древнерусской народности. Исследователь рассматривает и вопросы, связанные с политическим строем половцев. Аналогично своим предшественникам А. И. Попову, С. А. Плетневой и З. М. Шараповой[81] он считает, что половцы находились на стадии разложения родо-племенных отношений и зарождения феодальных, причем соседство с Русью ускорило этот процесс. В. В. Каргалов изучил также половецкие набеги на Русь и организацию борьбы Руси с половцами.

В. В. Каргалов объясняет причины, побудившие огромные массы кочевников двинуться из Средней Азии в степи Причерноморья. Он считает основным стимулом нападений печенегов на Русь не политику Византии, а скорее процессы, происходившие внутри самого печенежского общества.[82]

Русско-печенежские отношения рубежа X—XI вв. изучал также И. М. Шекера. Определяя основные черты отношений Руси и кочевников, помимо военных действий, он отметил, что русские князья побуждали торков и отдельные колена других кочевников оседать на землю и что главной причиной разгрома торков русскими князьями явилась не византийская дипломатия, а стремление самой Руси обеспечить свои южные рубежи. И. М. Шекера считает, что союза Руси с Византией и западноевропейскими странами против половцев, о котором пишут современные буржуазные историки, не было и Русь вела борьбу с половцами один на один.[83]

---

[81] *Шарапова З. М.* Социально-экономический и политический строй у половцев. — Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1953, т. 28, вып. 2, с. 116, 117, 121, 125.

[82] *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси, с. 28; *Шарапова З. М.* Социально-экономический и политический строй у половцев, с. 113.

[83] *Шекера І. М.* 1) Київська Русь XI ст. у міжнародних відносинах. Київ, 1967; 2) Міжнародні зв'язки Київської Русі. З історії зовнішньої політики Русі в період утворення і зміцнення Древньоруської держави в VII—X ст. Київ, 1963, с. 94—132.

В. Т. Пашуто отметил большое значение Руси в борьбе с кочевниками Причерноморья.[84] Он рассмотрел отношения Древнерусского государства с кочевниками, «степную политику» русских князей, в неразрывной связи с внутриполитическими процессами, происходившими в Киевской Руси, с началом феодального дробления страны, чему в значительной степени способствовало участие печенегов, торков и особенно половцев в феодальных распрях. Привлекая большое количество русских и иностранных источников, В. Т. Пашуто показал гибкий характер «степной политики» русских князей.

Подчеркивая, что взаимоотношения с половцами — наиболее значительное явление русской политики, которая «осложнялась отсутствием государственного единства на Руси и взаимной враждой среди половецких ханов», В. Т. Пашуто показывает решающую роль Руси в половецкой степи: в борьбе с половцами Русь «сумела... удержать лесостепную границу; вплоть до монгольского нашествия она (используя отношения с другими державами) сохраняла свои позиции на торговых путях — на Волге, Дону, Днепре, Днестре, Серете и Нижнем Дунае». Кроме того, «Русь оказывала все возрастающее влияние на судьбы Северного Причерноморья и на связанную с ним политику таких стран, как Венгрия, Болгария, Византия».[85] В. Т. Пашуто пишет: «Русь, оттеснив Византию, взяла в свои руки степную политику, превратив в конфедератов печенегов, тюрков и значительную часть половцев. Роковые страницы византийской истории писались на Руси. Русская победа над степью сделала Боняка и Тугоркана византийскими сенаторами и „союзниками отчаяния“ в черный для империи 1091 г. Сто лет спустя императору Андронику Комнину пришлось через киевского митрополита уже „умолять“ Русь о военной поддержке».[86]

---

[84] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 107—118.

[85] Там же, с. 116—118, 204—213; см. также: *Пашуто В. Т.* 1) Особенности структуры Древнерусского государства. — В кн.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 98—99; 2) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956, с. 81.

[86] *Пашуто В. Т.* Место Древней Руси в истории Европы. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посв. Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972, с. 196.

Запустение значительной территории Русской земли в полосе лесостепи между Днепром и Днестром в XI в. было отмечено П. А. Раппопортом в статье, посвященной истории Южной Руси.[87] Исследователь связывает это запустение с набегами половцев, роль которых, по его мнению, в советской исторической литературе явно недооценивалась. Между тем постоянная половецкая угроза создавала настолько напряженную обстановку, что требовала от русских князей максимума военной силы и дипломатических действий. Основным направлением половецких ударов было не только Левобережье Днепра, но и более западные районы.[88]

Археологические материалы, как показал П. А. Раппопорт, не подтверждают наличия на границе со степью сплошных оборонительных сооружений (Змиевы валы он считает укреплениями более древнего происхождения). Более эффективной мерой борьбы с половцами в этот период было строительство укрепленных пунктов — «городков», заселенных специфической социальной группой свободных воинов — земледельцев, военных поселенцев. Археологические исследования последних лет представили целый ряд городищ XII в. (Колодяжин, Изяславль, Городок, Воинь, Иван, Ленковецкое городище), оборонительные конструкции которых имели как военное, так и хозяйственное назначение, а культурный слой состоял из предметов вооружения и орудий земледелия.[89]

Вопросу укрепления Южной Руси, строительству городов-крепостей для борьбы с кочевниками, «нарубанию» воинов для поселения их на пристепной окраине Древнерусского государства большое внимание уделял Б. А. Рыбаков.[90]

Значение обороны Киева и Киевской земли от кочевников подчеркивается П. П. Толочко. Он отмечает, что

---

[87] *Раппопорт П. А.* Из истории Южной Руси XI—XII вв. — История СССР, 1966, № 5, с. 113—116.

[88] Там же, с. 113, 114.

[89] Там же, с. 116.

[90] *Рыбаков Б. А.* 1) Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 61, 62, 72, 73, 141, 142, 145—150; 2) Владимировы крепости на Стугне. — КСИА, 1965, вып. 100, с. 126—129; 3) «Застава богатырская» на Стугне. — В кн.: Города феодальной России: Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966, с. 90—92. — В этом же плане украинскими археологами был изучен город Воинь (см.: *Довженок В. Й., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Древньоруське місто Воїнь. Київ, 1966).

оборона и «охрана торговых путей возглавлялась киевскими князьями и велась в интересах всей Руси». С постоянным давлением кочевников на юго-восточные границы Черниговщины П. П. Толочко связывает процессы освоения земель, возникновения и роста городов.[91] Исследуя этническое и государственное развитие Руси в XII—XIII вв., он особое внимание уделяет «половецкому вопросу», который был предметом обсуждения почти каждого княжеского съезда со времен Владимира Мономаха. Вслед за многими историками и археологами П. П. Толочко рассматривает расселение вдоль южных границ Руси черных клобуков как одно из основных средств обороны от половецкой опасности.[92]

А. В. Гадло отмечает, что присоединение к Русскому государству отдельных печенежских колен способствовало славяно-русской миграции на юг, в Приазовье и Таврику, и играло большую роль в укреплении степных границ «в районах кочевания состоявших „на службе“ у киевского князя ханов-князей».[93]

В последние годы в исторической литературе влияние кочевников рассматривается также в связи с вопросами русско-византийских отношений. Неоднократно отмечалось, что с 20—30-х годов X в. печенежская угроза стала важнейшим фактором антирусской политики Византии.[94]

С середины XI в. между Русью и Византией стабилизировались дружественные отношения. Это явилось в известной мере следствием той половецкой опасности, которую испытывали оба государства. Борьба русских с половцами соответствовала интересам Византийской империи. Нередко русские оказывали Византии непосредственную военную помощь.[95] Когда в XII в. Русь была отрезана от юга половцами и не имела возможности оказывать военную поддержку Византийской империи в прежних масштабах, контакты между Русью и Византией стали зна-

---

[91] *Толочко П. П.* Киевская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 6, 9, 13.

[92] *Толочко П. П.* Этническое и государственное развитие Руси в XII—XIII веках. — ВИ, 1974, № 2, с. 57.

[93] *Гадло А. В.* О начале славяно-русской миграции в Приазовье и Таврику. — В кн.: Славяно-русская этнография: Сб. статей. Л., 1973, с. 83—84.

[94] История Византии. М., 1967, т. 2, с. 203, 230, 231.

[95] Там же, с. 353.

чительно слабее.[96] Несмотря на общую опасность, ни Русь, ни Византия не предпринимали никаких попыток «согласовать свои удары по кочевникам».[97] Вместе с тем, как отметил Г. Г. Литаврин, Русь «оказала Византии (и вообще всей Европе) неоценимую услугу, сковав один из мощных потоков тюркской агрессии, устремившихся из глубин Азии по берегам Черного моря к горлу византийской столицы на Босфоре».[98]

Внимание советских исследователей не мог не привлечь вопрос об отражении многовековой борьбы восточных славян с кочевниками в устном народном творчестве.

Б. А. Рыбаков определил в персонажах былин Киевского цикла — Кудроване, Шарк-великане, Скурло, Атраке, Коньшаке, Тугарине Змеевиче — исторических половецких ханов — Шарукана, Сугру, Отрака (или Атрака), Кончака, Тугоркана. Он считает также возможным датировать создание былин, посвященных борьбе Руси с печенегами и главным образом с половцами, связывая их героев с историческими лицами, упоминаемыми русскими летописями.[99]

Фольклористы В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, А. М. Астахова, напротив, исходили из того, что «народная поэзия — не фактографическая хроника» и «тщетно ... искать в нем (эпосе. — *Р. М.*) изображения отдельных исторических событий или исторических лиц»,[100] что герои эпоса «ни к каким историческим прототипам не восходят».[101] Исключение было сделано для Тугарина (Тугарина Змеевича), под которым подразумевался летописный половецкий хан Тугоркан.[102]

К теме «Русь и кочевники» могут быть отнесены частично вопросы русско-венгерских отношений. В ряде исследований подвергнут критике основной тезис, утвердив-

---

[96] *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII веке. — ВИ, 1972, № 7, с. 51, 52.

[97] Там же, с. 38.

[98] Там же, с. 52.

[99] *Рыбаков Б. А.* 1) Исторический взгляд на русские былины. — История СССР, 1961, № 5, с. 153—160; № 6, с. 87—90; 2) Древняя Русь, с. 42, 86—98, 102—104, 109—117, 139—150.

[100] *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1958, с. 287.

[101] *Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.; Л., 1960, с. 25, 26; см. также: *Астахова А. М.* Былины. Итоги и пробл. изуч. М.; Л., 1966, с. 61—78.

[102] Былины / Подготовка текста, вступ. статья и коммент. В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. М., 1958, т. 1, с. 244—255; *Пропп В. Я.* Русский героический эпос, с. 206—224, 577, 578.

шийся в венгерской довоенной буржуазно-националистической историографии, согласно которому Русь в IX—X вв. подчинялась Венгрии. М. А. Павлушкова, а вслед за ней и В. П. Шушарин убедительно показали, что отсутствовала не только феодальная эксплуатация славян венгерской племенной знатью, но и даннические отношения.[103]

Вывод В. П. Шушарина о том, что столкновения славян с венграми уступили место миру, принял И. М. Шекера. Основываясь на венгерских хрониках, он высказал предположение об участии каких-то русских отрядов в движении венгров через Карпаты в Паннонию, об оседании венгров на Руси, в Приднепровье.[104]

О русско-венгерских отношениях в IX в. писал Г. Н. Магнер, считавший летописного Ольма, которому принадлежал двор на Угорском урочище, венгром Альма.[105]

Что касается материальной культуры венгров того времени, то она изучена слабо. Лишь в 50—60-х годах были сделаны попытки обнаружить ее следы в период переселения венгров и пребывания их в Леведии (Лебедии) и Этелькезе (Ателькузу).[106] К памятникам пребывания венгров в «Великой Венгрии» П. Д. Степанов относит различные предметы из городищ Ош-Пандо, Ашна-Пандо и других, которые он раньше считал мордовскими.[107] Дружественный характер русско-венгерских отношений в те времена, когда венгры были еще кочевниками, отмечает В. Т. Пашуто.[108] По его мнению, большое значение имели торговые русско-венгерские связи.[109]

---

[103] *Павлушкова М. А.* Русско-венгерские отношения до начала XIII века. — История СССР, 1959, № 6, с. 149—155; *Шушарин В. П.* Русско-венгерские отношения в IX в. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 134—170.

[104] *Шекера І. М.* Міжнародні зв'язки Київської Русі, с. 29—51.

[105] *Магнер Г. Н.* Руcько-угорський союз IX ст. у світлі літописів. — Укр. іст. журн., 1969, № 7, с. 76—84.

[106] *Эрдейи И.* Венгры в Лебедии. Материальная культура венгров IX—X вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1959.

[107] *Степанов П. Д.* Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. — В кн.: Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964, т. 2, с. 136—147.

[108] *Пашуто В. Т.* Древняя Русь и Венгрия. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 345—351.

[109] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.). — История СССР, 1967, № 3, с. 81—108.

Таким образом, в трудах советских исследователей середины 50—60-х годов подчеркнуто большое влияние, которое кочевники оказывали на различные стороны жизни Древнерусского государства как в социально-экономическом, так и в общественно-политическом плане, и отмечен проявлявшийся в еще большей степени обратный процесс — влияние Руси на кочевое население степей. В то же время говорится об огромной роли Древнерусского государства, отстоявшего в борьбе с кочевниками свою независимость, национальное единство и культуру и защитившего от кочевых племен другие страны Европы и Византию.

Особенность работ представителей дворянской и буржуазной историографии, посвященных взаимоотношениям Руси и кочевников в IX—XIII вв., — односторонний подход к оценке роли кочевых народов в истории Киевской Руси. Учитывалась преимущественно негативная сторона проблемы. Указывалось, что кочевники задерживали экономическое и политическое развитие Руси, препятствовали формированию цивилизации и культуры и в конечном итоге вызвали массовое переселение славян на север и северо-восток. При этом упускались из виду вопросы социально-экономической и политической истории самих кочевников, во многом определявшие отношение их к Древнерусскому государству. Совершенно игнорировалась роль народа в борьбе с кочевниками, а успехи, достигнутые в этой борьбе, приписывались исключительно деятельности князей.

Основными материалами при решении исследуемой проблемы долго служили письменные источники. Однако со временем (особенно с конца XIX в.) при изучении этой большой и сложной темы в трудах некоторых ученых стали привлекаться данные археологии, этнографии, лингвистики, что предоставило возможность ставить новые вопросы и решать новые проблемы, связанные с историей как самих кочевников, так и их взаимоотношений с Древнерусским государством.

Утверждение марксистской методологии в исследованиях советских историков явилось переломным моментом в изучении истории взаимоотношений Киевской Руси с кочевыми племенами. Претерпел значительные изменения и подход к этой проблеме. Ее освоение вышло

за пределы традиционного рассмотрения чисто внешней стороны взаимоотношений Руси с кочевыми племенами. Были расширены хронологические рамки изучения истории населения степей. Изыскания в первые десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции подготовили базу для перехода исследований в иную плоскость. Непосредственные взаимоотношения Киевской Руси с кочевыми племенами печенегов, торков и половцев стали рассматриваться в плане истории внешней политики и международных связей и вместе с тем как часть огромной важности проблемы взаимодействия оседлых и кочевых культур.

По мере развития исторической науки, а также в результате успехов, достигнутых советскими археологами, проблема «Русь и кочевники» стала расчленяться и усложняться, что дало возможность при изучении ее историографии исходить не только из хронологического, но и тематического принципа.

С течением времени в большой и сложной проблеме взаимоотношений Руси и кочевников, разрабатываемой советскими исследователями — историками, археологами, антропологами, лингвистами, фольклористами, — возникло и определилось несколько самостоятельных тем. К ним следует отнести такие, как исторические корни взаимоотношений славянского населения Восточной Европы с кочевым и полуоседлым населением степей и лесостепной полосы до появления печенегов, роль хазар и Хазарского каганата в истории восточных славян вообще и Древнерусского государства в частности, классификация предметов материальной культуры кочевников и установление их этнической принадлежности, борьба Руси с кочевниками — печенегами, торками, половцами, — общественный строй кочевников, русское население степей Причерноморья и Приазовья, экономическое, культурное и политическое влияние Руси на кочевников, тюркоязычное население юга Киевской Руси (черные клобуки) как этнический элемент, вошедший в состав государственной территории Киевской Руси, и его роль в политической жизни древнерусского общества, отражение борьбы Руси с кочевниками в устном народном творчестве русского народа.

Все больше и больше привлекают внимание ученых вопросы истории кочевых народов, их роль в общем историческом процессе, а также положение в современном

мире. Несомненный интерес представляют в этом смысле дискуссии 30-х и 50-х годов по проблемам генезиса феодализма и развития феодализма в кочевых обществах. И хотя многолетняя дискуссия об особенностях классообразования и социальной организации у кочевников-скотоводов продолжается, можно с уверенностью констатировать, что она во многом способствует выявлению объективных закономерностей развития кочевых народов, более полному и содержательному освещению проблемы, поскольку без раскрытия социальной структуры в равной степени как земледельческого, так и кочевого общества нельзя понять специфику их взаимодействия.

Александр Александрович 47
Алпатов М. А. 10
Альма 74
Андрей Боголюбский 68
Андроник Комнин 70
Антонович Б. В. 19, 23, 24
Аристов Н. Я. 34, 35
Артамонов М. И. 66
Астахов В. И. 16
Астахова А. М. 73
Атрак *см.* Отрак
Аттила 12
Аэпа 22

Багалей Д. М. 20
Беляев И. Д. 33
Бернштам А. Н. 66
Беспятых Ю. Н. 4
Боняк 61, 70
Бранденбург Н. Е. 42, 64
Бурачков П. Т. 35, 36

Вайнштейн С. И. 10
Веселовский Н. И. 42
Витовт 28
Владимир Мономах 12—14, 27, 56, 61, 72
Владимирцов Б. Я. 8
Вуич Л. Г. 67

Гадло А. В. 72
Гезе В. 42
Герасимов М. М. 68
Геродот 11
Гинзбург В. В. 68
Говорков А. А. 46, 49
Голубовский П. В. 20—26, 38, 39, 52, 60, 61, 63
Гончаров В. К. 71
Гордлевский В. А. 57
Городцов В. А. (Городцов В. О.) 42, 67
Готье Ю. В. 59
Греков Б. Д. 49, 50, 53, 55, 56
Григорьев В. В. 36, 37
Грушевский М. С. (Грушевський М. С.) 19, 29, 30
Губогло М. 65

Дахшлейгер Г. Ф. 9
Дебец Г. Ф. 67
Державин Н. С. 65
Добрушкин Е. М. 12
Довженок В. Й. 71
Дубровский С. М. 48

Затыркевич М. Д. 30—32
Златкин И. Я. 8
Зяблин Л. П. 59, 60, 65

Ибн-ал-Биби 53
Игорь Северский, Игорь 11, 29, 35, 51, 56—59
Идриси 56
Иллерицкий В. Е. 16

Калачев Н. В. 34
Карамзин Н. М. 10, 13—15
Каргалов В. В. 68, 69

* Указатели составил Ю. Н. Беспятых.

Карпини 11
Кирпичников А. Н. 66
Клюверий 11
Ключевский В. О. 16, 17, 37, 39, 45, 48, 49, 54
Козырева В. А. 57
Конкин В. Н. 66
Константин Багрянородный 11, 52
Кончак 23, 61, 62, 73
Корсаков Д. А. 29
Костомаров Н. И. 17—19, 24, 30
Кудрявцев И. А. 16
Кудряшов К. В. 58, 59, 64
Кулишер И. М. 54
Куник А. А. 12, 25
Кухарева Л. С. 66

Ленин В. И. 37, 42
Линниченко И. А. 20, 28
Литаврин Г. Г. 73
Луцкий Е. А. 48
Ляскоронский В. Г. 20, 25—29
Лященко П. И. 54

Мавродин В. В. 56, 68
Мавродина Р. М. 3—5, 68
Магнер Г. Н. 74
Майкова-Строганова В. С. 68
Макарова Т. И. 66
Марков Г. Е. 9, 10
Маркс К. 6—8
Мец Н. Д. 59
Милюков П. Н. 37—39, 45, 49
Мстислав 33

Незабитовский В. 32
Нечкина М. В. 17
Николай Александрович 47
Новосельцев А. П. 70, 74

Олег 22
Ольм 74
Отрак 73

Павлушкова М. А. 74
Панеях В. М. 5
Пархоменко В. А. 52, 53, 57
Пашуто В. Т. 70, 74
Плетнева С. А. 3, 10, 24, 59—65, 67—69
Плеханов Г. В. 42—45, 49
Плиний 11
Погодин М. П. 13—15
Покровский М. Н. 46—52, 55
Пономарев А. 57
Попов А. И. 57, 58, 69
Потапов Л. П. 9
Пресняков А. Е. 39—41
Пропп В. Я. 73
Птолемей 11
Путилов Б. Н. 73

Радлов В. В. 25
Раппопорт П. А. 71
Рожков Н. А. 45
Романов Б. А. 32
Ростиславичи 33
Рохлин Д. Г. 68
Рубинштейн Н. Л. 16, 18, 37—40, 51
Рубрук 11
Рыбаков Б. А. 56, 58, 59, 62, 71, 73

Самоквасов Д. Я. 42
Самчевский И. 34
Свердлов М. Б. 5
Святослав 22, 51, 54
Семенов Ю. И. 10
Сергеевич В. И. 32
Сибилев Н. В. (Сібільов М. В.) 56
Созин И. В. 68
Соколов О. Д. 46
Соловьев С. М. 15, 16, 30, 39, 43—45, 47—49, 51
Спицын А. А. 42, 59
Степанов П. Д. 74
Стороженко А. В. 26
Страбон 11
Сугра 73

Татищев В. Н. 11, 12
Тимур 58
Тихомиров И. 28
Тойнби А. 8
Токарев С. А. 65
Толочко П. П. 71, 72
Трофимова Т. А. 67
Тугоркан 61, 70, 73

Устрялов Н. Г. 13—15
Устюгов Н. В. 71

Федоров-Давыдов Г. А. 59, 60, 65, 66
Фроянов И. Я. 68

Цамутали А. Н. 5, 18, 32

Черепнин Л. В. 40, 68, 70
Черненко Е. В. 66
Чингисхан 12, 58
Чичерин Б. Н. 39, 45, 49

Шапиро А. Л. 5, 38, 40
Шарапова З. М. 69
Шарукан 23, 61, 73
Шевеленко А. Я. 8
Шекера И. М. (Шекера І. М.) 69, 74
Шушарин В. П. 70, 74

Щапов Я. Н. 70

Энгельс Ф. 6, 8
Эрдейи И. 74

Юра Р. О. 71
Юшков С. В. 54, 55

Якубовский А. Ю. 53

Азия 7, 9, 10, 16, 18, 29, 38, 73
— Средняя 36, 69
Азовское море 30, 31
Альта, р. 21
Астрахань 44
Ателькузу *см.* Этелькезе
Ашна-Пандо, городище 74

Балин, г. 56
Бахмутської повіт 67
Башкирия 74
Белая Вежа *см.* Саркел—Белая Вежа
Болгария 70
Босфор 73

Великая Венгрия *см.* Венгрия
Венгрия, Великая Венгрия, Паннония 70, 74, 75
Византийская империя *см.* Византия
Византия, Византийская империя 15, 17, 21, 41, 44, 52, 53, 69, 70, 72, 73, 75
Владимировы крепости 71
Воїнь *см.* Воинь
Воинь (Воїнь) 27, 71
Волга, р. 70
Восток 30, 45, 53, 54, 57
Восточнотюркский каганат 66

Городок, городище 71
Греция 33

Десна, р. 55
Дешт-и-Кыпчак 53
Джунгарское ханство 8
Джучи Улус 53
Дінец, р. *см.* Донец
Днепр, р. 14, 31, 34, 36, 66, 70, 71
Днепропетровская обл. 67
Днестр, р. 34, 70, 71
Дон, р. 34, 60, 66, 70
Донец, р. (Дінец, р.) 56
Древнерусское государство *см.* Киевская Русь
Древньоруська держава *см.* Киевская Русь
Древняя Русь *см.* Киевская Русь
Дунай, р. 21, 30, 34, 70

Евразия 3, 6
Европа 7, 9, 16, 20, 23, 38, 70, 73, 75
— Восточная 7, 31, 32, 59, 60, 65, 66, 77
— Западная, Запад 10, 30, 38, 43, 50
— Центральная 29
— Юго-Восточная 30, 66
Екатеринослав 42

Запад *см.* Европа Западная
Заруб, г. 27
Змиевы валы 71
Золотая Орда 53, 65, 67

Иван, городище 71
Изяславль, городище 71

Кавказ 47, 57

Казань 44
Казахстан 36
Калка, р. 59, 62
Калмыцкая АССР 8
Каменная Балка, урочище 60
Карпаты 74
Каспийское море 47
Київ *см.* Киев
Киев (Київ) 19, 21, 27, 28, 33, 34, 40, 52, 71
Киевская земля *см.* Киевская Русь
Киевская губерния, Киевская область, Киевщина 34, 40—42
Киевская область *см.* Киевская губерния
Киевская Русь, Древнерусское государство, Древняя Русь, Киевская земля, Киевское княжество, Киевское государство, Русская земля, Русь 3—6, 10—36, 39—64, 66, 68—78
Киевское государство *см.* Киевская Русь
Киевское княжество *см.* Киевская Русь
Киевщина *см.* Киевская губерния
Киевщина Южная 66
Київська Русь *см.* Киевская Русь
Колодяжин, городище 71
Крым, ханство 44, 57
Кыпчакское государство 55

Леведия, Лебедия 74
Ленковецкое городище 71
Левобережье Днепра 71
Литовско-Русское государство 41

Максимовка, с. 66

Новгород-Северское княжество, Северская земля, Северское княжество 20, 22, 29
Ногайская орда 65

Озюмськiй повiт 67
Оренбургская обл. 66
Остер, р. 55
Ош-Пандо, городище 74

Паннония *см.* Венгрия
Переяславль 26, 27
Переяславльская земля *см.* Переяславское княжество
Переяславское княжество, Переяславльская земля 20, 22, 25, 27, 28
Поволжье 65, 67
— Среднее 74
Поднестровье 65
Половецкая земля, Половецкая орда, Половецкая степь 3, 23, 29, 35, 36, 58, 62, 64
Половецкая орда *см.* Половецкая земля
Половецкая степь *см.* Половецкая земля
Поросье 22, 62
Посулье 26
Приазовье 36, 72, 77
Приднепровье 30, 31, 33, 74
Причерноморье 10, 21, 54, 69, 70, 77
— Северное 58, 59, 70

Рига 42
Российское государство *см.* Россия
Россия, Российское государство, Русское государство 13—16, 32, 34, 35, 38, 39, 41—43, 45—50, 63, 70, 71, 74
Рось, р. 18, 35
Русская земля *см.* Киевская Русь
Русское государство *см.* Россия
Русь *см.* Киевская Русь
Рязанское княжество 22

Саркел *см.* Саркел—Белая Вежа
Саркел—Белая Вежа 60, 66, 67
Северская земля *см.* Новгород-Северское княжество
Северское княжество *см.* Новгород-Северское княжество
Сереть, р. 70
Сибирь 36
Смоленская земля 20
Советский Союз *см.* СССР

СССР, Советский Союз 14, 16, 18, 38, 39, 41, 45, 48, 55—57, 59, 65—67, 71, 73—75
Стугна, р. 55, 71
Сугров, г. 56
Судак 53
Сула, р. 27, 55
Супой, р. 27

Таврика 72
Торческ, г. 62
Трубеж, р. 27, 55
Турция 47

Угорское урочище 74
Украина 20, 30
— Левобережная 56

Хазария *см.* Хазарский каганат
Хазарский каганат, Хазарское царство, Хазария 45, 54, 67, 77
Хазарское царство *см.* Хазарский каганат
Харьковская обл. 67
Херсонес 52

Цимлянское Правобережное городище 63

Чернигов 27
Черниговское княжество, Черниговщина 29, 72
Черниговщина *см.* Черниговское княжество
Черное море 31, 33, 41, 44, 47, 73
Черноморское побережье 30, 33, 69
Чешуев, г. 56

Шарукань, г. 56

Этелькезе, Ателькузу 74

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ — Вопросы истории. М.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М., Л.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., СПб., Л.
САИ — Археология СССР. Свод археологических источников. М., Л.
СА — Советская археология. М.
СЭ — Советская этнография. М.
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. М., Л.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Л.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР М.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора 3

Введение 6

Глава первая. Взаимоотношения Киевской Руси с кочевниками в освещении русской дореволюционной исторической науки 11
Дворянская и буржуазная историография 11
Дореволюционная марксистская историография . . . 42

Глава вторая. Взаимоотношения Киевской Руси с кочевниками в освещении советской исторической науки . . 46
Историография 20-х—середины 30-х годов 46
Историография середины 30-х—середины 50-х годов 55
Историография середины 50—60-х годов 60

Заключение 76

Указатель имен 79

Указатель географических названий 82

Список сокращений 85

Руслана Михайловна Мавродина

КИЕВСКАЯ РУСЬ И КОЧЕВНИКИ
(печенеги, торки, половцы)

Историографический очерк

Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Т. Бочевер*
Художник *Д. А. Андреев*
Технический редактор *Е. Н. Никитюк*
Корректор *Т. Г. Эдельман*

ИБ № 20714

Сдано в набор 30.09.82. Подписано к печати 28.04.83. М-31972. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ л. $2^{3}/_{4}=4.62$ усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 4.72. Уч.-изд. л. 4.73. Тираж 12500. Изд. № 8339. Тип. зак. № 1829. Цена 30 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»

Для получения книг почтой
заказы просим направлять по адресу:

117192 Москва, В-192, Мичуринский пр., 12.
Магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, П-345, Петрозаводская ул., 7.
Магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы
«Академкнига»,
или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел
«Книга — почтой»:

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата 1;
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
199034 Ленинград, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 8;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).